

СТИЛЬ

МУЖЧИНЫ

Американские истории:
ралф лорен и его страна с.36
америка напоказ с.24
авто и мото с.44
музеи в подарок с.46
ода гамбургеру с.62



ЗАКАТ АМЕРИКИ ОБОРАЧИВАЕТСЯ РАССВЕТОМ АМЕРИКАНСКОГО СТИЛЯ

с.18

БУТИКИ BRIONI: КУТУЗОВСКИЙ ПР-Т, 31, ТЕЛ. (495) 933 3036; ТРЕТЬЯКОВСКИЙ ПР., 7, ТЕЛ. (495) 933 3387; БАРВИХА LUXURY VILLAGE, 8-Й КМ РУБЛЕВО-УСПЕНСКОГО Ш., ТЕЛ. (495) 225 8856
ПЛ. ЕВРОПЫ, 2, Г-ЦА «РЭДИССОН СЛАВЯНСКАЯ», ТЕЛ. (495) 941 8406; ЦУМ, УЛ. ПЕТРОВКА, 2, ТЕЛ. (495) 933 7300

BRIONI.COM



Brioni

TO BE ONE OF A KIND*

*Passion for Life**
пиджак из вошеного хлопка

Ermenegildo Zegna



Третьяковский проезд, 1/3, т. (495) 933 3372; Барвиха Luxury Village, 8-й км Рублево-Успенского ш., т. (495) 225 8854
ЦУМ, ул. Петровка, 2, т. (495) 933 7300; Кутузовский проспект, 31, т. (495) 933 3033 ZEGNA.com



**страсть к жизни РЕКЛАМА*

EMPORIO  ARMANI

МОСКВА ■
гум, красная площадь, 3

САМАРА ■
ул. куйбышева, 133

WWW.BOSCO.RU ■
+7 (495) 660 0550



CANALI



Москва

ул. Тверская 26, Тел. (495) 937-0076
ул. Покровка 44, Тел. (495) 917-0047
Кутузовский пр-т 48, Тел. (495) 641-1295
Трубная площадь 2, Тел. (495) 229-0175





18 Закат Америки

Александр Габуев
о том, как одна
отдельно взятая
сверхдержава
победила себя сама

**24 Теплый сезон
за Атлантикой**

Ольга Михайловская
о том,
как американские
типы завоевывают
подиум

**30 Заккрытие Америки
отменяется**

Александр Кабаков
о том, что Америка
остаётся той же
страной, которую
многие любили
в советской
молодости

**32 Властью
Голливуда**

Михаил Трофименков
о лидерах нации
на киноэкране

36 Я пытаюсь

*прожить несколько
жизней одновременно*
Ральф Лорен
о том, как он ввел
свою Америку
в моду

**37 Качество моды
сегодня важнее,
чем раньше**

Том Форд
о том, как важно
быть хорошо одетым

**38 Для американца
вещь от Harry Winston**

— это награда
Фредерик де Нарп
о настоящем
и будущем великого
ювелирного дома

**39 Яблоко
от яблони**

Игорь Мальцев
обо всем том,
что глава Apple
оставил
американцам

**40 Не чужой нам
человек**

Екатерина Истомина
о Форде в Америке
и в России

41 Угроза ястребу

Михаил Трофименков
о кинематографичес-
ких врагах Америки

**44 Еще раз
про любовь**

Павел Филенков
о том,
как развивается
его роман
с Harley-Davidson
Heritage Softail Classic

46 Их частное дело

Милена Орлова
о том,
как филантропы
создали лучшие
музеи Америки

**48 Дорога заходящего
солнца**

Аркадий Райхштейн

о том, как проехать
по дороге 66

49 Кубок на экспорт

Алексей Доспехов
о том, как Америка
подарила миру
главную парусную
регату

50 Награда на руку

Алексей Тарханов
о том, как
швейцарская
часовая марка
Hublot наградила
американскую
медаль

51 Большая тройка

Юрий Хнычкин
о тех колесах,
на которых стоит
Америка

59 Открытый вызов

Алексей Доспехов
о том,
чем замечателен
турнир US Open

**60 Пятизвездный
капитал**

Юрий Яроцкий
о том, что такое
Plaza Hotel
в Нью-Йорке

**61 Венеция
на дому**

Екатерина Истомина
о том, какая
странная штука
The Venetian Resort
Hotel Casino
в Лас-Вегасе

62 Дети кукурузы

Елена Герусова
о том,
что Америка
вполне съедобна

**ГАРДЕРОБ/
АМЕРИКАНЦЫ**

53 рэпер

54 клерк

55 ковбой

56 рейнджер

57 политик

58 спортсмен

генеральный директор *демян кудрявцев* | шеф-редактор *азер мурсалиев* | главный редактор неделовых изданий *елена нусинова* | дизайн-проект *анатолий гусев* | главные редакторы *екатерина истомина*, *алексей тарханов* | текст-редактор *мария мазалова* | главный художник *дмитрий гусев* | бильд-редактор *светлана шаповаленко* | выпускающий редактор *наталья ковтун* | корректура *елена вилкова* | верстка *константин шеховцев*, *дмитрий шнырев*, *марина мединская* | директор объединенной службы рекламных продаж *валерия любимова* | дирекция по рекламе: отдел продаж *надежда ермоленко ermolenko@kommersant.ru* | отдел размещения *наталья чухахина churakhina@kommersant.ru* (499) 943 9108, (499) 943 9110, (499) 943 9112, (495) 101 2353
Учредитель ЗАО «Коммерсантъ. Издательский Дом». Адрес издателя и редакции: 125080 г. Москва, ул. Врубеля, д. 4. Журнал «Тематическое приложение к газете „Коммерсантъ“» зарегистрирован Роскомнадзором, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-38790 от 29.01.2010 г.
Отпечатано в Финляндии. Типография PunaMusta, Kosti Aaltosen tie 9, 80140 Joensuu. Тираж 75 000 экз. Цена свободная
Фото на обложке: «Послезавтра» (The Day After Tomorrow), режиссер Роланд Эммерих, 2004. ИТАР-ТАСС/ INTERFOTO/ NG Collection

Качество. Когда можно не притворяться.
Жерар Дармон, французский актер.



kiton.it

Kiton

ЛУЧШЕЕ ИЗ ЛУЧШЕГО +1

Эксклюзивно в магазинах:

Третьяковский пр., 7, тел. (495) 933 3387; Кутузовский пр-т, 31, тел. (495) 933 3036; Барвиха Luxury Village, 8-й км Рублево-Успенского ш., бутик Kiton, тел. (495) 225 8857
ЦУМ, ул. Петровка, 2, тел. (495) 933 7300; Столешников пер., 13, бутик Kiton, тел. (495) 933 3120



ОДНО ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЭКРАНУ ИЗ САПФИРОВОГО СТЕКЛА,
И ВЫ ОКАЗЫВАЕТЕСЬ В МИРЕ,
ОТКРЫТОМ ТОЛЬКО ДЛЯ ИЗБРАННЫХ



LIFE BEAUTIFULLY ARRANGED *

VERTU

38

КОЛЬЦО CHRYSLER
ИЗ ПЕРВОЙ КОЛЛЕКЦИИ
HARRY WINSTON
«ЭПОХИ ДЕ НАРПА»
NEW YORK



62

СТР.

БИГ МАС — КОРОЛЬ
АМЕРИКАНСКОЙ КУХНИ
(495-540 ККАЛ) И МЕРИЛО
УРОВНЯ ЖИЗНИ
В «ИНДЕКСЕ БИГ МАКА»



Голос Америки

Мир говорит о «закате Америки», и говорит с разными чувствами. Одни страшно злорадствуют, другие принимают это известие с некоторой грустью. Крушения империй сокрушительнее всего проходили по частным жизням, и нам это известно лучше, чем кому бы то ни было другому.

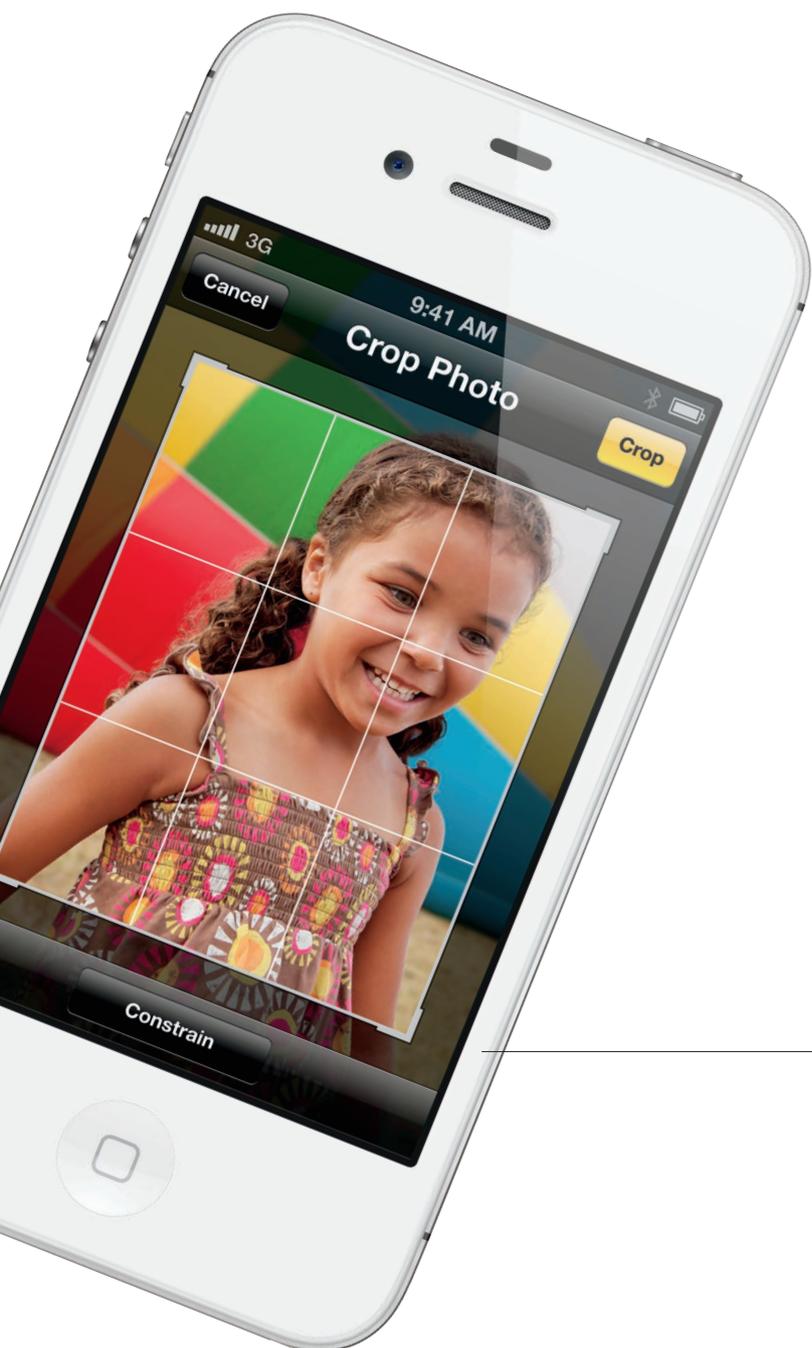
По-нашему, нет особого смысла ни радоваться, ни убиваться, а зато есть смысл подумать. И о том, что было в старой Америке плохого, и о том, что было в ней хорошего и завидного. Какими бы бездуховными ни выглядели американцы, пора бы поразиться тому, что сделали они в прошлом и нынешнем веках в культуре и стиле.

Закат империи означает лишь одно: что империя теряет свою реальную силу, мощь своей армии и экономики. Но взамен она обретает куда большую власть над умами, чем тогда, когда она была в полном расцвете и оттого вызывала очевидное раздражение. Нам свойственно больше любить слабых, чем сильных. Чем слабее государство, тем приманчивее его культура, это закон нашего времени, и Америка не становится исключением. Настало время посмотреть на то, что дала нам великая классическая американская культура, чему научили нас ее герои. Разобраться с американским стилем, который наконец-то в тяжелые для Америки времена с очевидностью обна-

S

BOSS SELECTION

HUGO BOSS



39
СТР.

IPHONE 4S —
ПРОЩАЛЬНЫЙ
ПОДАРОК
СТИВА ДЖОБСА

ружил себя. Наряду с вечными героями подиумов, итальянцами и французами, в моду вошли настоящие стопроцентные американцы.

И эта страна погибает, вы хотите сказать? Да если это и так, стиль погибших цивилизаций никуда не исчезает. Много ли осталось нам от цесарского Рима, сотрясавшего государство вокруг себя. Памятники античной литературы, музеи, развалины и остатки колонн, которые мы старательно сохраняем. Но обаяние римской культуры никуда не исчезло, мы даже учим латынь, если хотим быть образованными не под забором. В нашем мире живет и Древняя Греция, и королевская Франция, и ренессансная Италия, живет уничтоженная нами же старая Россия. Точно так же живет и американский стиль — смесью Монро и Уорхола, Голливуда и Гуггенхайма. И совершенно неважно, что эти наши представления так же далеки от реальности, как наши представления о гомеровской Греции. Голос Америки звучит по-прежнему и по-прежнему остается приманчивым.



53
СТР.

ЧАСЫ JACOB & CO.

HUBLOT

GENEVE



Ⓜ KING POWER Ⓜ

OCEANOGRAPHIC 4000

Дайверские часы
Способны выдержать
погружение на глубину 4000 м



Musée
océanographique
de Monaco

БУТИК HUBLOT
ЦУМ

ул. Петровка, 2. Тел. (495) 933 73 00
Hublot-TV в эфире: www.hublot.com

Страна заходящего солнца

Величие Америки рушится

Александр Габуев |



БРОШЬ TIFFANY & Co.
Из золота, платины,
бриллиантов,
сапфиров
и рубинов,
выпущенная
в 1900-м

11 СЕНТЯБРЯ
2001 ГОДА —
ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ
В ИСТОРИИ
АМЕРИКИ

РЕШЕНИЕ аналитиков агентства Standard and Poor's, которые в августе впервые в истории понизили кредитный рейтинг США, уже вызвало панику на фондовом рынке. В мировых финансах исчезла отправная точка. Выяснилось, что страна, которая на протяжении десятилетий была эталоном надежности, тоже может испытывать трудности, причем не временные, а системные. Отправной точки лишаются не только финансы, но и весь сложившийся в XX веке глобальный уклад — экономический, политический и даже культурный. Начавшийся закат Америки наверняка будет долгим и отразится на всех.

Американский век

Освальд Шпенглер, выпустивший свой «Закат Европы» весной 1918 года, хоронил европейскую культуру под звуки пушечной канонады на фронтах Первой мировой войны. Нации, считавшие себя самыми про-

свещенными и продвинутыми, методично истребляли друг друга, умело используя новейшие технические изобретения своего времени. Великий Европейский век неумолимо подходил к концу. И хотя еще десятилетия после Версальского мирного договора Европа была в эпицентре мировой истории, полюс силы неумолимо смещался в другую точку планеты. Вторая мировая война лишь довершила то, что началось в 1914 году. — Европа клонилась к закату.

На закате, пока солнце не полностью исчезло за горизонтом, многое становится гораздо яснее. Теперь ясно, что разрушительная война в Европе положила нача-

ло новому XX веку мировой истории. Этот век наступил не в 1901 году, как прописано в календаре, а начался именно в 1918 году. Оглядываясь назад, уже можно сказать: этот век был американским. Несмотря на калейдоскоп событий и героев (чуть не выигравшая две мировые войны Германия, распавшаяся Британская империя, мучившая весь век других и особенно себя Россия), именно США были стержнем этого столетия.

Восход США оказался стремительным. От появления на горизонте истории испанских каравелл, включивших Америку в сети мировой торговли, до точки, когда США были в зените своего могущества, прошло менее 500 лет. Колумб и его последователи очертили Америку на карте мира к XVI веку. Декларация независимости, написанная Томасом Джефферсоном, была принята 4 июля 1776 года. А по-настоящему США проявились на мировой арене лишь в начале календарного XX века.

Большую часть предыдущего столетия граждане молодой страны решали свои внутренние проблемы: резали индейцев и выселяли их в резервации, выкупали Аляску у России, отвоевывали у Мексики Калифорнию, а у Франции — Луизиану, выясняли отношения между собой. Хотя уже к концу 1870-х США были крупнейшей мировой экономикой (разумеется, после колониальных империй) и даже родиной

многих технических новинок, события по ту сторону Атлантики не слишком затрагивали сердце мировой системы — Европу. И лишь Первая мировая война, единственным бесспорным победителем которой оказались США, превратила Америку в первоклассную мировую державу.

А дальше страна шла от одной вершины к другой. Великая депрессия и крах на Уолл-стрит сменились экономическим ростом. США выиграли Вторую мировую войну, став первой в мире ядерной державой, затем создали самый мощный военный блок в истории. И хотя временами казалось, что Америке могут бросить вызов вьетнамские партизаны или советские конструкторы, запустившие в космос спутник и первого человека, соревнование с СССР все же было лукавством. Все годы холодной войны США были крупнейшей экономикой мира, сильнейшей военной державой, а американский доллар был главной единицей учета мирового богатства.

Культурная сверхдержава

Утверждение США в качестве единственной подлинной сверхдержавы послевоенного мира преобразило не только политику и экономику. Материальное могущество дало Америке и колоссальную символическую власть. Если в начале прошлого века европейцы еще считали американскую культуру низкопробным и

ULYSSE NARDIN
SINCE 1846 LE LOCLE - SUISSE

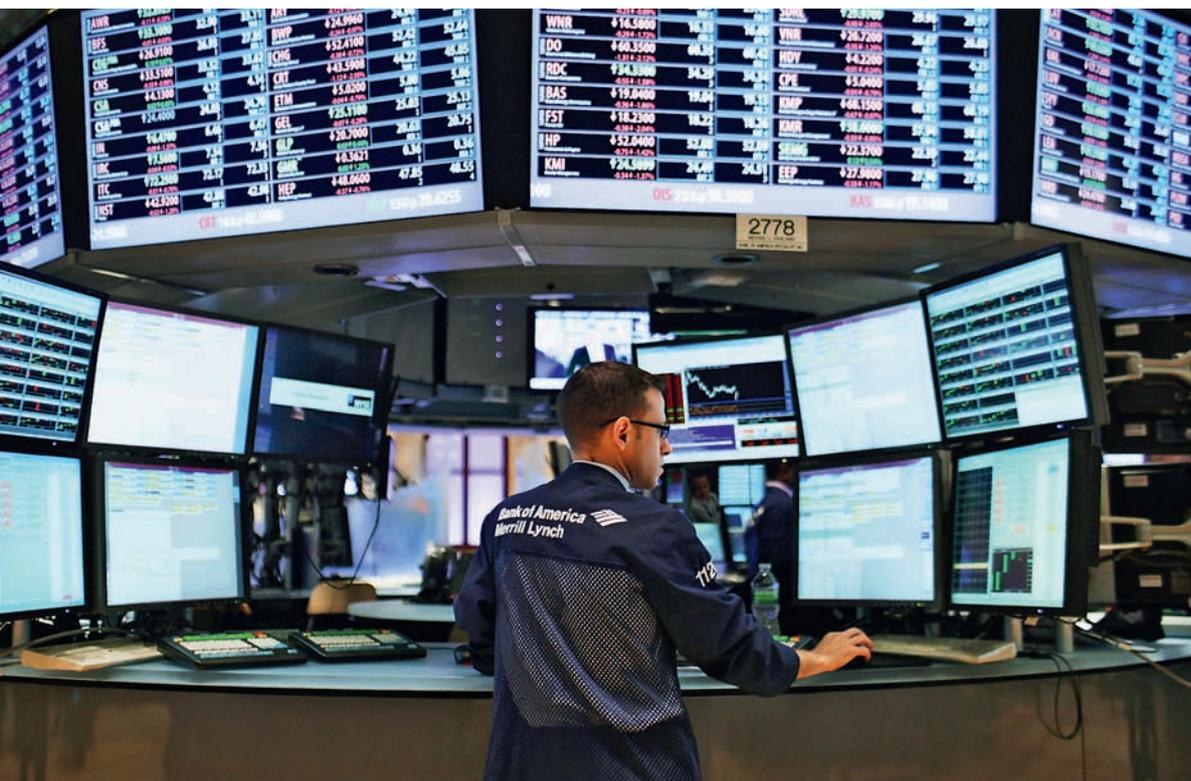


MOONSTRUCK

Астрономические наручные часы.

Фазы Луны. Корпус из платины или 18-каратного красного золота.

Лимитированная серия из 500 экземпляров.



ПАДЕНИЕ БИРЖЕВЫХ ИНДЕКСОВ ПРОИСХОДИТ ВСЕ ЧАЩЕ

УПОЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОЩЬЮ США

и правление Билла Клинтона, превратившего дефицит бюджета в профицит, привело к тому, что брать в долг стали все



ТАБЛО СО ЗНАЧЕНИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА США: КАЖДЫЙ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИК ДОЛЖЕН ПО \$131,8 ТЫС.

эклетицизм изводом культуры Старого Света (или порой говорили об отсутствии у американцев какой-либо культуры вообще), то уже к середине столетия США смогли сделать свою культуру и свой образ жизни привлекательными для многих жителей планеты. Оставив европейцам господство в высокой моде и литературе, американцы сосредоточились на гораздо более перспективном сегменте производства смыслов — масскультуре.

Первым культурным оружием массового поражения, которое произвели в Америке, стал джаз, покоривший Европу в предвоенные годы. Герман Гессе в «Степном волке» (1927) описывает мучения европейца, который не может противостоять натиску этой «варварской музыки». Джаз дал всходы даже в Советском Союзе («Первый в РСФСР эксцентрический оркестр джаз-банд Валентина Парнаха» заиграл еще в 1922 году с началом НЭПа — это за 12 лет до «Веселых ребят» с Утесовым). В последующие десятилетия мир переживет еще не одно музыкальное нашествие из США. После джаза мир сходил с ума по Чаку Бэрри и Элвису, потом по Джиму Моррисону и Бобу Дилану, Nirvana и Metallica, Майклу Джексону и даже Бритни Спирс.

Америка стала страной, подсадившей мир на звуковое кино. США были родиной великих мировых звезд калибра Мэрилин Монро, каждая из которых своим мифом укрепляла культурную мощь Америки. Там были сняты самые кассовые

в мировой истории фильмы вроде «Унесенных ветром» (1938), «Звездных войн» (1977) или «Аватара» (2009), там же родились Микки-Маус и все герои диснеевских мультфильмов.

Именно в США был создан тот параллельный мир, в котором давно живет большинство из нас. Сначала компьютер (1946), потом изобретенный Биллом Гейтсом Windows (1985) и прочие продукты Microsoft. В 1969 году исследовательские центры при Пентагоне начали объединять свои компьютерные сети в то, что на заре 1990-х станет интернетом. Придумать после этого Twitter, Facebook или LiveJournal не составляло особого труда, и сделали это снова американцы.

Пожалуй, самыми коммерчески успешными носителями смыслов стали главные артефакты американской культуры — джинсы, гамбургеры, красные банки Coca Cola. Истории их появления могли случиться, наверное, только в Америке. Вот те же джинсы. Баварский еврей Леви Штраус приехал в США в 1830-е и годы золотой лихорадки и пытался сделать состояние, торгуя парусиновыми палатками. Обратив внимание, что многие из его клиентов ходят в драных штанах, он пустил запасы парусины на пошив прочных брюк, которые было легче стирать, чем привычные ковбойские кожаные штаны. В 1872 году он получил предложение от Джейкоба Дэвиса из Невады ставить на штаны медные заклепки, чтобы карманы не рвались под

тяжестью намытого золота. А 10 мая 1873 года они получили патент на штаны, которые станут самой культовой моделью джинсов в истории, — Levi's 501. Прошло меньше 150 лет, и в эти штаны американских фермеров благодаря голливудским фильмам одеты все: от рабочих, которым они собственно и предназначались с самого начала, до президентов.

Эти артефакты имели и имеют колоссальную власть. Кока-кола и гамбургеры стали символом какой-то иной жизни. Так, 31 января 1990 года перед первым в СССР McDonald's на Пушкинской выстроилась очередь в пять тысяч советских граждан, пришедших за пропуском в несоветский мир. В тот день ресторан обслужил 30 тыс. посетителей. Сейчас в это сложно поверить. Но любой первый McDonald's в маленьком российском городе или африканской стране становится тем же, чем он был для москвичей за несколько месяцев до крушения СССР.

Наверное, люди в других странах начали интересоваться Америкой, смотреть голливудские фильмы и ездить на американских мотоциклах не только потому, что это и правда очень круто, а в том числе и потому, что все эти годы США были самой главной в мире страной. Точно так же в начале XIX века европейская аристократия учила французский язык, а в конце века обустроивала дома на манер тогдашней сверхдержавы — Британской империи. Американская культура успешнее проникла в массы потому, что и сам XX век оказался веком масс, а заканчивается эпохой пришедшего из США неумержимого потребления.

Конец истории

После крушения СССР Америку охватило упоение собственной мощью, и они кивали в такт Фрэнсису Фукуяме, рассуждавшему о «конце истории» и торжестве либеральной демократии в глобальном



МОСКВА ■

гум, красная площадь, 3
петровский пассаж, ул. петровка, 10
весна, ул. новый арбат, 19

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ■

большой проспект п.с., 59

WWW.BOSCO.RU ■

+7 (495) 660 0550



CORNELIANI

Corneliani

товар сертифицирован, реклама



Джордж Буш-младший признан одним из самых неудачливых президентов США



Американские солдаты расправляются с Саддамом Хусейном

Заимствовать стало так дешево, что брать в долг стали все. А банки так мало зарабатывали на выданных кредитах, что начали учиться работать на обороте — выдавать как можно больше займов всем желающим. Америка все меньше производила и отдавала все больше рабочих мест на другую сторону Тихого океана. Куда доходнее и интереснее стала игра на фондовом рынке. Горячие деньги потекли на биржу, разогретую рассуждениями экспертов о «новой экономике» и цифровых технологиях, которые изменят мир и отменят все действовавшие до сих пор законы. Даже падение рынков в 2001 году и банкротство корпорации Enron, которую журнал Fortune шесть лет подряд называл «самой инновационной компанией США» (и был недалек от истины — мошеннические схемы, загнавшие капитализацию этой пустышки до \$101 млрд, были поистине последним словом техники), не остудили веру в США.

С немалым упоением Америка пустилась и в новые военные авантюры. Размявшись на режимах Саддама Хусейна и Слободана Милошевича в 1990-е, в 2000-е Вашингтон взялся за переделку мира повзрослому, благо 11 сентября дало отличный повод. Вскоре под ударами американской военной машины был смятен режим талибов в Афганистане, а в 2003 году — окончательно

но добит ненавистный Саддам Хусейн. Но вместо контроля над бензобаком планеты и группы дружественных демократических режимов на Ближнем Востоке США получили дорогую нефть (к середине 2008 года она стоила уже \$147 за баррель) плюс радикализацию исламского мира. А фотографии издевательств в тюрьме «Абу-Грейб» и многие другие неприглядные эпизоды иракской и афганской кампаний нанесли мощные удары по образу США как борца за свободу народов. Наконец, расплата за две войны оказалась не только символической: как говорил в мае 2008 года сенатор Гарри Рейд, только иракская кампания каждую секунду обходится американским налогоплательщикам в \$5 тыс.

Неудивительно, что выигравший президентские выборы в 2008 году первый темнокожий хозяин Белого дома Барак Обама пришел на обещания не сохранить величие Америки, а изменить и спасти страну. В сентябре 2009 года, выступая с первой программной речью перед Генассамблеей ООН, он стал первым президентом США, признавшим, что Америка больше не может играть роль мирового жандарма и наводить порядок по всему миру. Как выяснилось через два года, Америка не может навести порядок даже в Вашингтоне, где Белый дом и обитатели Капитолийского холма схлестнулись в дискуссии о размере национального долга — главной проблемы современных США.

Для Америки конец блистательной эпохи пока не столь драматичен, каким был закат Европы 100 лет назад. Внешне мир продолжает жить как прежде. Люди носят джинсы и пьют колу, ждут новый iPhone и всем миром оплакивают Стива Джобса. Экономика США по-прежнему номер один, а американский флот владеет морями. Конец знакомого мира больше похож на карнавал. Сердце этого мира — Уолл-стрит — штурмуют толпы ряженых. Взрываются комментариями Twitter и Facebook, а не

бомбы. Только вот индекс Dow Jones — эта линия кардиограммы экономики США — все чаще дергается и срывается вниз. А часы, отмеряющие конец американского века, уже запущены.

В 1989 году на 42-й улице в Нью-Йорке возле Таймс-сквер девелопер Сеймур Дарст повесил похожее на часы электронное табло, которое показывало рост государственного долга США. Тогда сумма едва превышала \$3 млрд. А уже в 2008 году у табло закончились цифры — долг перевалил за \$10 трлн, так что «долговые часы» перестали отражать всю сумму вплоть до центов. Вдохновленные идеей Сеймура, американские пользователи создают такие часы в интернете. Самые известные из них (www.usdebtclock.org) показывают цифру свыше \$14,8 трлн. А ВВП США — чуть меньше \$14,96 трлн. То есть Америка должна почти столько же, сколько она производит за год. На каждого гражданина приходится свыше \$47,4 тыс. долга, а каждый налогоплательщик должен и вовсе по \$131,8 тыс.

Эти часы дружно и неумолимо тикают. Новый век опять закрывается не круглым годом с его нелепой теперь «проблемой-2000». И даже не 11 сентября 2001 года. По-настоящему долгий XX век мучительно заканчивается кризисом 2008–2011 годов. Солнце покидает американскую землю и уходит за Тихий океан — куда-то в Азию.

масштабе. Рациональность и трудолюбие отцов-основателей США и старших поколений американцев сменились неуверенной верой в то, что мощь страны и капитализация ее фондового рынка будут расти бесконечно.

Упоение экономической мощью США и успешное правление Билла Клинтона, превратившего доставшийся ему от предшественника дефицит бюджета в профицит, охватило всех американцев. Глава Федеральной резервной системы Алан Гринспен держал процентные ставки близко к нулю, чтобы стимулировать производство.

С УПОЕНИЕМ АМЕРИКА ПУСТИЛАСЬ

и в новые военные авантюры: размявшись на режимах Саддама Хусейна и Слободана Милошевича, после 11 сентября американцы взялись за переделку мира

В лазурные воды Малайзии
Вы не просто погружаетесь.
Вы совершаете божественное путешествие.

Откройте для себя самые лучшие
места для дайвинга в мире.

От разноцветных коралловых атоллов до ярких
морских созданий, дайвинг в Малайзии подобен
плаванию среди произведений искусства, которых не
касалась рука человека. Малайзия - не просто
туристическое направление. Это впечатления, которые
останутся с Вами на всю жизнь. Приезжайте и вы сможете
увидеть все то, о чем только мечтали, и многое другое.

Malaysia
Truly Asia

www.tourismmalaysia.gov.my

www.tourismmalaysia.ru

Американский теплый сезон

Национальные герои в коллекциях «осень-зима 2011/2012»

Ольга Михайловская |



KENZO



DRIES VAN NOTEN



ЮНJI ЯМАМОТО

ТРАДИЦИОННО снисходительное отношение европейцев к американским вкусам сегодня не вполне уместно. С тех пор как во главе страны оказалась самая элегантная президентская чета, Америка больше не повод для насмешек, а скорее образец для подражания. Впрочем, образцом по-прежнему является не современная Америка, а персонажи ее давнего и недавнего прошлого, чей облик знаком нам по голливудским фильмам.

В преддверии очередной экранизации «Великого Гэтсби» дизайнеры вновь цитируют моду 1920-х годов. Причем в этом сезоне используют не самую элегантную ее составляющую, а скорее то, что в те годы считалось casual, — комфортные широкие брюки с защипами на талии, вязаные кардиганы и безрукавки с мелким орнаментом, под которые следует носить сорочки с воротничками на пуговичках и мягкими вязаными галстуками. Такими же мягкими должны быть и замшевые ботинки или, в нашем случае, почти спортивная обувь, скажем, кожаные кроссовки. Самым смелым можно посоветовать заправить джемпер или жилетку в брюки, которые ради такого случая можно поднять повыше на талию. Впрочем, последнее — шаг на опасную территорию. Наши мужчины и так задирают штаны на талию, благодаря чему достигается стопроцентная узнаваемость соотечественников в любой точке земного шара.

Вслед за героями «Великого Гэтсби» приходят герои «Однажды в Америке». Очаровательные голодранцы, одетые в обноски дорогих вещей. Пиджаки с заплаты на локтях, чуть помятые сорочки и длинные пальто поверх теплых кальсон.

Фуражки и кепки, подтяжки и потертые башмаки, явно знававшие лучшие времена, — идеальные аксессуары в духе Великой депрессии.

Другая великая эпоха — 1940-е. Их без конца цитируют как в женских, так и в мужских коллекциях. В нашем случае следует вспомнить канонический образ Хэмфри Богарта в «Касабланке». Речь здесь не идет о военной форме, а скорее о том, что вещи военного образца сочетаются с вполне мирными пиджаками и пальто, классическими шляпами и плащами-тренчкотами. Ну то есть держим в голове образ демобилизованного солдата времен Второй мировой, еще донашивающего военную форму, но уже потихоньку привыкающему к мирной жизни.

И наконец, самый романтический, хоть и не самый положительный, герой американской мифологии — пионер-первопроходец. И здесь речь, конечно, идет о брутальных кожаных штанах и носках грубой вязки, о фуфайках с начесом и клетчатых сорочках, замшевых куртках и потертых ботинках. Всяческие следы непростой жизни этих вещей, безусловно, приветствуются: дырки и потертости, следы краски и линялые пятна. Впрочем, в реальной жизни есть опасность переборщить, слишком тщательно входя в образ. Лучше ограничиться все же одним предметом из гардероба брутального первопроходца и деликатно сочетать его с предметами из современного обихода: воротил Уолл-стрит, пусть не столь романтический, зато куда более надежный. Что в свете последних событий тоже не столь очевидно.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ 3D

ЖЕЛАЕМ ВАМ КОМФОРТНОГО ПРОСМОТРА



CINEMA 3D SMART TV

Все места перед телевизором LG Cinema 3D – лучшие: благодаря широкому углу обзора изображение на его экране всегда яркое и четкое. Присаживайтесь, где хотите. Надевайте легкие, удобные, стильные 3D-очки и... наслаждайтесь!

Вас ждет совершенно новый уровень комфорта.



БЕЗ МЕРЦАНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ • БЕЗ ЗАРЯДКИ



* Смарт ТВ, ** Контроль микропикселей на правах рекламы



В ПРЕДДВЕРИИ ЭКРАНИЗАЦИИ

«Великого Гэтсби» дизайнеры вновь цитируют моду 1920-х годов. Комфортные широкие брюки, вязаные кардиганы, меховые воротники, замшевые ботинки или даже кожаные кроссовки



ПИОНЕР-ПЕРВОПРОХОДЕЦ

самый романтичный,
хоть и не самый положительный,
герой американской мифологии. Здесь
речь идет о brutальных кожаных
штанах, клетчатых сорочках, фужайках
с начесом. Приветствуются дырки
и потертости, следы краски и линялые
пятна



NEW YORK PARIS TOKYO MOSCOW HONG KONG LONDON DUBAI MILAN | EXPLORE TUMI.COM



ДРУГАЯ ВЕЛИКАЯ ЭПОХА — 1940-Е.

Дело вовсе не в военной форме. Напротив, одежда военного образца сейчас сочетается с вещами, оставшимися от мирной жизни,— пальто, пиджаками, рубашками, слегка зауженными брюками, плащами и кепи

ГЕРОИ «ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ».

Очаровательные голодранцы, одетые в обноски дорогих вещей. Пиджаки с заплатками, чуть помятые шляпы и сорочки, потертые башмаки, знавшие лучшие времена



РЕКЛАМА - ТОВАР ПОДЛЕЖИТ СЕРТИФИКАЦИИ

Baldinini

www.Baldinini.it

- Москва
- Санкт-Петербург
- Екатеринбург
- Новосибирск
- Кемерово
- Челябинск
- Омск
- Тюмень
- Калининград
- Ярославль
- Кострома
- Брянск
- Нижний Новгород
- Киров
- Самара
- Тольятти
- Казань
- Волгоград
- Саратов
- Ростов-на-Дону
- Краснодар
- Сочи
- Красноярск
- Иркутск
- Владивосток
- Томск
- Уфа
- Киев
- Харьков
- Донецк
- Днепропетровск
- Одесса
- Алматы
- Астана
- Караганда
- Баку
- Минск

Не надо goodbye Заккрытие Америки отменяется

Александр Кабаков |



CAMPBELL SOUP Энди Уорхола — КОНЦЕНТРИРОВАННЫЙ ВКУС АМЕРИКИ В ИСКУССТВЕ

СРЕДИ МИФОВ, свойственных нашему народному сознанию, едва ли не главные — мифы о национальных характерах. Немец — аккуратный, трудолюбивый, скупой и послушный власти, француз — легкомысленный и артистичный, итальянец — веселый... И, конечно, американец — энергичный, решительный, помешанный на деньгах и комфорте, а потому опасный.

Во времена железного занавеса и холодной войны легенда об Америке, населенной миллионерами, гангстерами, угнетенными неграми и еще какой-то прогрессивной общественностью, укреплялась полным отсутствием информации о реальной жизни в Штатах и антиамериканской пропагандой, обличающей поджигателей войны и расистов. При этом, как водится, население посмеивалось над самим собой — в диапазоне от фразы-анекдота «а у вас негров вешают» до диалога Ефремова—Дорониной в «Трех тополях на Плющихе»: «А в Америке страшно? — Стра-а-шно!». Но все равно пользовалось в качестве источника сведений о заокеанской цивилизации фельетонами в журнале «Крокодил», в которых

буржуи напивались допьяна кока-колой и ездили в лимузинах, слышавшихся советскому уху как «лимуЗИМы».

Во же время более просвещенная и потому скептически настроенная по отношению к официозному антиамериканизму часть советского общества верила в другие, собственные мифы об Америке — столь же не имеющие отношения к действительности. Для меня и моих друзей существовала исключительно Америка джаза и Сэлинджера, джинсов и Фолкнера, абстракционистов и Голливуда...

И вот все переменялось почти мгновенно. Америка из «потенциального противника» превратилась в «контрпартнера» — потрясающее филологическое изобретение нашего Генштаба постперестроечной эпохи. Многие юные поклонники американской свободы и американского изобилия стали зрелыми общественно-политическими деятелями либерального направления, уверенными в том, что РФ можно построить как полную копию США, и постоянно изумляющимися тем, что Россия не строится, а попыткам ее построить пассивно сопротивляется. Те, кто недавно исключал стилиг-«штатников» из

комсомола за ношение джинсов, сначала надели их сами, потом принялись ими торговать, потом закурили сигары и расселись по лимузинам, вполне воспроизводя «крокодилские» карикатуры Бориса Ефимова (как он прекрасно рисовал буржуйские ботинки!)... А простые люди окончательно убедились в том, что прежние их представления об Америке были правильными. Потому что в России, почти помирившейся со Штатами, население тоже разделилось на миллионеров, гангстеров и угнетенных негров, в качестве которых выступили сами простые люди. В той Америке, которую устроили мы, оказалось действительно страшно.

Но и сама Америка не стояла на месте. Примерно тогда же, когда у нас бушевала перестройка, там начала свирепствовать политкорректность. Не стану расписывать ее прелести, они всем известны. В России всеамериканское торжество этой идеологии произвело действие, которого следовало ожидать: те, кто считал американское устройство жизни безусловным образцом, жестоко и решительно разочаровались. В политкорректности они — честнее будет «мы» — не без оснований увидели чуть более симпатичный извод ненавистного совка. Очень быстро сформировался новый образ Америки, зафиксированный в анекдоте о следующем ее президенте — афроамериканка-инвалид левых взглядов и лесбийской ориентации. Жизнь вроде бы кое-что из этого набора реализовала... И расцвело новое мифотворчество, создающее образ слабой, скучной, одновременно слишком благонаправной и бессовестно алчной Америки, навсегда растерявшей 11 сентября, почти сдавшейся под натиском тех, кого раньше она обзывала лузерами. А тут подоспел и кризис, который устроила, конечно, Америка. Наши средства массовой информации, как всегда охотно, включились в сочинение сказок для про-

стодушных. Снова стало «стра-а-шно в Америке», снова телекорреспондент на фоне небольшой толпы принялся с тревожными интонациями рассказывать о протестах американцев против войны в Ираке, о всемирном сопротивлении «американскому навязыванию демократии», о коррупционных скандалах — видите, у них богатые тоже воруют! — и о других позорных свидетельствах заката Америки. Сюда же подверстывались ежегодные тайфуны, наводнения и пожары, которые, понятное дело, просто так не случаются, значит, заслужили америкосы...

Между тем великая даже не страна, а целая галактика под названием Соединенные Штаты Америки жила и живет своей жизнью. Она остается, в сущности, той же самой, которую мы издали любили в молодости. Той империей чемпионов, которая во всем была первой, и с которой Бутусов поспешил проститься уже давно, угадав грядущий тренд. Она ходит по воскресеньям (некоторые по субботам) молиться Богу и веру в Него утверждает каждым долларом, она любит своих граждан, и граждане, за небольшим исключением всегдашних университетских фрондеров, отвечают ей полной взаимностью, она не

очень интересуется прочим миром, предоставляя миру интересоваться ею, — хотя бы в форме зависти и ненависти.

...На нью-йоркской «Пенсильвания-стэйшн» я увидел военный патруль. Тогда еще прошло немного времени с гибели «близнецов», и это был именно военный патруль — в летнем камуфляже, в пустынных бежевых ботинках, с полным армейским вооружением и овчаркой-сапером на поводке. Здоровенные, хорошо кормленные ребята, — как положено политкорректностью, один белый, один черный — стояли посреди зала, не то просто глаза по сторонам от скуки, не то мониторя толпу в поисках бен Ладена. И каждый — понимаете, каждый! — проходя мимо, говорил им: «Спасибо, ребята, что защищаете нас... Как служится, парни?.. Не подведите Америку, друзья...» Война в Ираке тогда была в разгаре, но я за полчаса не услышал ни одного слова осуждения проклятому милитаризму, уничтожающему свободолюбивый иракский народ. Я вспомнил наших солдатиков, в те времена стрелявших сигареты и просто собиравших милостыню на городских улицах...

Мы рано сказали goodbye Америке. С нею все в порядке. Нам бы их заботы.



Голос Америки — Луи Армстронг



РОССИЙСКИЙ
АУКЦИОННЫЙ ДОМ

26 ноября 2011
Москва. Гостиный Двор

Третий аукцион антиквариата и предметов искусства

Кусофоров
Тосиер Краковский
П. Сухоголомской
Александр М...
К. Макавский
Айбазовский
Левицкий
Н. Перин
ан. Занезов
Юрий Касберг
А. Рылов
С. Westchiloff

8 (800) 777-57-57, 8 (812) 331-03-16

www.auction-house.ru

Властью Голливуда

О лидерах Америки на экране

Михаил Трофименков |



СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ
В ИНТЕРЬЕРЕ
ПО-АМЕРИКАНСКИ:
ТОРЖЕСТВЕННЫЙ
КОСТЮМНЫЙ
БЛОКБАСТЕР
«Вильсон» 1944 года

«В АМЕРИКЕ» все равны. Ко всем можно обращаться на „ты“, даже к президенту, — мечтали о земле обетованной герои «Эмигрантов» (Utvandrarna, 1973) шведа Яна Троэлля, который и сам затем снял за океаном несколько фильмов. Эмигранты не заблуждались: быть с президентом на «ты» действительно мог любой. Если не в реальности, то на экране. Но ведь Голливуд и был долгое время самой реальной реальностью Америки.

«Просто скажите, что вы хотите видеть президента», — советовал часовой парню с Дикого Запада, не решающемуся позвонить в дверь Белого дома, чтоб обсудить набольшее с президентом Грантом, в «Drum Beat, 1954» Делмера Дэйвза. Экранный Франклин Пирс лично легализовал патент дантиста Мортона на эфир как анестезию и одарял его \$100 тысячами в «Великом моменте» (The

Great Moment, 1944) Престона Старджеса. Экранный Франклин Делано Рузвельт за просто болтал с композитором легкого жанра Джорджем Коэном в «Янки дудль денди» (Yankee Doodle Dandy, 1942) Майкла Кертица. А один из первых вымышленных кинопрезидентов в фильме Роберта Синклера «Джо и Этель Турп в гостях у президента» (Joe and Ethel Turp Call on the President, 1939), по просьбе пары пожилых провинциалов, разрешал дело их друга-почтальона, отданного под суд за то, что он, да, уничтожил письма, но по благородным мотивам.

Президента хватало на всех, хотя бы потому, что его добрая воля магическим образом делегировалась даже президентским статуям. Провинциальный идеалист-сенатор, доведенный до отчаяния коррупцией, обрел веру в себя и силы для борьбы в мемориале Томаса Джефферсона в



«МОЛОДОЙ МИСТЕР ЛИНКОЛЬН»
Джона Форда 1939 года: начало
кинематографической карьеры
великого лидера Америки

фильме Фрэнка Капры («Мистер Смит едет в Вашингтон» (Mr. Smith Goes to Washington, 1939). Визит в мемориал прочищал мозги блондинке, и она спешила донести на мужа-коррупционера — в «Рожденной вчера» (Born Yesterday, 1950) Джорджа Кьюкора.

Да что там сенаторы и блондинки! Даже кролику Оливеру в мультике Уильяма Нолана «Confidence» (1933) достаточно взглянуть по совету ветеринара — «Вот твой доктор!» — на портрет Рузвельта, чтобы его чада и домочадцы перестали чахнуть по вине чудовища Кризиса.

Вера в то, что президент справедлив и милостив, воплотилась в образе Авраама Линкольна, самого популярного экранного президента: он появлялся в 22 кино и 12 телефильмах. Казалось бы, это нелогично: Линкольн безжалостно добился победы Севера в гражданской войне. Но даже режиссеры-южане, а то и расисты, считали его гибель величайшей трагедией, поскольку Линкольн был так же решительно настроен на национальное примирение. В «Рождении нации» (The Birth of a Nation, 1915) Дэвида Уарка Гриффита мать обреченного на виселицу партизана-южанина вымалывала у Линкольна помилование, а потом президента убивали, и на Юге начались всякие «негритянские» бесчинства. Так же милостив был он к приговоренным врагам в «Самом юном мятежнике» (The Littlest Rebel, 1935) Дэвида Батлера. Джон Форд посвятил «Молодого мистера Линкольна» (Young Mr. Lincoln, 1939) адво-



«МОЛОДОЙ МИСТЕР Линкольн» СТЕНЛИ КУБРИКА: БУДУЩИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОСВАИВАЕТ АДВОКАТУРУ В НЬЮ-ЙОРКЕ

ВЕРА В ТО, ЧТО ПРЕЗИДЕНТ СПРАВЕДЛИВ и милостив, воплотилась в образе Авраама Линкольна, самого популярного экранного американского президента: он появлялся в 22 кинофильмах и 12 телевизионных сериалах

катскому дебюту будущего президента. Линкольн спасал от линчевания, а потом и от петли облыжно обвиненных в убийстве.

Вообще президент до того, как он стал президентом, был частым героем Голливуда. Участие Захарии Тейлора в войне с Мексикой или стратегический гений Дуайта Эйзенхауэра во Вторую мировую санкционировали их будущее избрание на высшую должность.

Впрочем, будущий президент мог проявить свою достойную античных героев стойкость не только на поле боя или в зале суда. Джефферсон проявлял свою мудрость и гуманизм еще на посту посланника в «Джефферсоне в Париже» (Jefferson in Paris, 1995) Джеймса Айвори. Личной войной Франклина Рузвельта была борьба экстафлета снастигшим его в 39-летнем возрасте параличом ног. В финале «Рассвета в Кампобелло» (Sunrise At Campobello, 1960) Винсента Донахью он, стиснув ноги стальными браслетами, пусть страдая, но идет вперед. Доблесть Эндрю Джексона в «Первой леди» (The President's Lady, 1953) Хенри Левина заключалась в его преданности жене, несмотря на укоротившие ее век обвинения в полиандрии, то есть многожестве.

Но фильмы о достойном восхождении прошлом президентов снимались или посмертно, или уже после истечения их полномочий. Было лишь одно забавное исключение. За полгода до убийства Джона Кеннеди, 19 июня 1963 года, в прокат вышел фильм Лесли Мартинсона «Торпед-

ный катер ПТ-109» (PT-109), о действительно редкой самоотверженности, проявленной 26-летним лейтенантом в боях на Тихом океане. Слово бы Кеннеди нуждался в дополнительной легитимации на фоне уязвившей Америку кубинской революции и слухах о разгульной жизни президента.

Жестокую иронию потомков можно разглядеть в том, что в фильме-катастрофе Роланда Эммериха «2012» (2009) президент Томас Вильсон погибал, получив по голове ни более ни менее как унесенным торнадо авианосцем «Джон Кеннеди».

Выстрелы в Кеннеди, прозвучавшие 22 ноября 1963 года, стали для Америки до сих пор неизбытой травмой. Реальность и американская мечта безнадежно разошлись. И как следствие этого, на экран хлынули фильмы о вымышленных президентах.

До тех пор они были крайне редкими гостями на экране, да их туда не очень-то и пускали. Можно вспомнить Джадсона Хэммонда из долго не выпускавшегося на экраны «Архангела Гавриила над Белым домом» (Gabriel Over The White House, 1933) Грегори Ле Кава. Но это был не столько дерзкий фильм, сколько дерзкий манифест будущего «нового курса» Рузвельта. Гавриил вселился в тело попавшего в ДТП президента и покидал его лишь после того, как тот вывел страну из кризиса. Создавал трудовые армии из безработных, отменял «сухой закон», расстреливал «крестных отцов», субсидировал фермеров, страховал вклады, начинал гонку вооружений. Запомнили

и Стэнли Крейга из фильма Уильяма Уэллмана «Президент исчезает» (The President Vanishes, 1934), едва не запрещенного. В этой экранизации анонимно опубликованной книги Рекса Стаута президент инсценировал собственное похищение, чтобы одолеть «ястребов войны» в своей администрации и подтвердить изоляционизм как основу американской внешней политики.

В «ТАЙНОЙ ЧЕСТИ» (1984) РОБЕРТА ОЛТМАНА ПРЕЗИДЕНТ НИКСОН ВООРУЖЕН БУТЫЛКОЙ ВИСКИ И ПРЕДСТАЕТ ПЕРЕД ЗРИТЕЛЯМИ ПОЛНЫМ НИЧТОЖЕСТВОМ



AFPI/20TH CENTURY FOX / THE KOBAL COLLECTION / THE PICTURE DESK



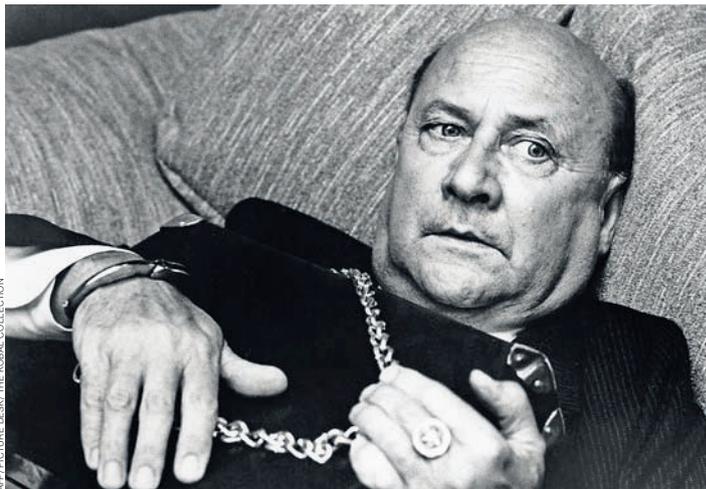
AFPI PHOTO 12

В «ДНЕ НЕЗАВИСИМОСТИ» (1996) РОЛАНДА ЭММЕРИХА АМЕРИКАНСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДАВАЛ ПРИКАЗ О ЯДЕРНОЙ АТАКЕ

«В НИКСОНЕ» (1995) ОЛИВЕРА СТОУНА АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА СЫГРАЛ ЗАКОРЕНЕЛЫЙ «ДОКТОР ЛЕКТЕР» ЭНТОНИ ХОПКИНС



AFPI PHOTO 12



APR/PICTURE DISK/ THE KOVAL COLLECTION

В ФАНТАСТИЧЕСКОМ ТРИЛЛЕРЕ «ПОБЕГ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА» (1984) ДЖОНА КАРПЕНТЕРА АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА ПЫТАЛИСЬ СПАСТИ В ОСОБОЙ КАПСУЛЕ



«W» (2008): БЕСКОМПРОМИСНЫЙ ГОЛЛИВУДСКИЙ ПРИГОВОР ДЖОРДЖУ БУШУ-МЛАДШЕМУ



APR/PICTURE DISK/ THE KOVAL COLLECTION

ДАВНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СКАНДАЛ ПРИНЕС СЛАВУ СОВРЕМЕННОМУ «НИКСОНУ»



APR/PHOTO 12

БЛОКБАСТЕР «НИКСОН» СТАЛ СВОЕОБРАЗНОЙ ГОЛЛИВУДСКОЙ МЕСТЬЮ ЗАВРАВШЕМУСЯ ПРЕЗИДЕНТУ, СОСТАВЛЯВШЕМУ СПИСКИ СВОИХ ВРАГОВ-КИНЕМАТОГРАФИСТОВ

А сразу после убийства Кеннеди как плотину прорвало. За один 1964-й год вышли четыре фильма режиссеров первого ряда о «президентах». Без катастроф, если не считать катастрофой шантаж кандидата в президенты его нервным заболеванием, все обошлось лишь в «Самом достойном» (The Best Men) Фрэнклина Шеффнера. В «Системе безопасности» (Fail-Safe) Сидни Люмета и «Докторе Стрейнджлаве» (Dr. Strangelov) Стэнли Кубрика президент, по вине ли техники, генералов ли людоедского толка, оказывался не в силах спасти мир от ядерной катастрофы. В «Семи днях в мае» (Seven Days in May) Джона Франкенхаймера едва не увенчался успехом военно-фашистский заговор против президента, сторонника мирного сосуществования. Сразу вспоминалось, как, уходя в отставку, Эйзен-

хауэр предостерегал Кеннеди от угрозы военно-промышленного лобби.

С тех пор Голливуд неумоимо разыгрывает в фильмах о вымышленных президентах катастрофические сценарии. Падение метеорита в «Метеоре» (Meteor, 1979) Роланда Нима, «Армагеддоне» (Armageddon, 1998) Майкла Бей, «Столкновении с бездной» (Deer Impact, 1998) Мими Ледера. Инопланетное вторжение в «Дне независимости» (Independence Day, 1995) Эммериха. Глобальный катаклизм в «Послезавтра» (The Day After Tomorrow, 2004) и «2012» Эммериха.

Президенты ведут себя более или менее пристойно в ситуации форс-мажора, иногда даже погибают, но, по большому счету, беспомощны. Поэтому герою комикса выглядит президент-супермен в «Президентском самолете» (Air Force One, 1997) Вольфганга Петерсена, в одиночку истребляющий террористов. Да что там вымышленный Джеймс Маршалл. Даже реальный Рузвельт смотрится пародийно, когда заставляет себя встать и выпрямиться во весь рост в «Перл-Харборе» (Pearl Harbor, 2001) Бей.

От мифа о президенте, всеобщем друге, отце и совести нации, не осталось ничего. Дело даже не в том, что президенты стали кукольными болванчиками, что в «Горячих головах», что в фильмах о «Детях-шпионах» и прочих «Остинах Пауэрсах». Это как раз проявление демократического юмора.

Но если раньше для Голливуда отцом нации номер один был самый любимый и почитаемый президент — Линкольн, то теперь — самые презираемые и ненавидимые — Ричард Никсон и Джордж Буш-младший.

С Никсоном у Голливуда, положим, были личные счеты. Некогда он был истовым маккартистом, а охота на коммунистических ведьм лишила американское кино множества талантливых людей. Уже для Никсона-президента его помощник Чарльз Колсон составлял списки «врагов». В основной — на двадцать человек — попал Пол Ньюмен. В дополнительные — уйма актеров, включая Вуди Аллена, Стива Маккуина, Лайзу Миннелли, Грегори Пека, Барбру Стрейзанд, Джейн Фонду. Но главным было, конечно, не это, а кровь Индокитая и Чили, грязь Уотергейта: впервые президент оказался наглым лгуном.

В «Тайной чести» (Secret Honor, 1984) Роберта Олтмена вооруженный револьвером и бутылкой виски Никсон обрушивал на зрителей полтора часа, порой нечленораздельный от злобы, монолог ничтожества, ни в чем не раскаявшегося, да еще и манипулируемого квазимасонским «Комитетом ста», замешанным в трафике героина. В фильме Рона Говарда «Фрост против Никсона» (Frost/Nixon, 2008) Фрэнк Лангелла сыграл отставного президента как «крестного отца»: даже его помощник не поймет, шутит босс или всерьез раздумывает, не прикончить ли надоедливому журналисту Фроста.



Сидни Люмет в «СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ» (1964) отказывал американскому президенту в способностях спасти мир

Оливер Стоун в «W» показал Джорджа Буша-младшего бледной тенью собственного отца-президента



APR PHOTO 12



APR THE PICTURE DESK / KOBAL

«ПРЕЗИДЕНТСКИЙ САМОЛЕТ» (1997) вывел на авансцену беспомощного президента, которому самое место в комиксах

«СИСТЕМА БЕЗОПАСНОСТИ» Сидни Люмета: американский лидер ставил под угрозу весь мир

В «Никсоне» (Nixon, 1995) Оливера Стоуна президенту, сыгранному, что характерно, «доктором Лектером» — Энтони Хопкинсом, в строку — так недемократически — ставилось даже такое почетное доселе лыко, как скромное происхождение: ну, чего хорошего можно ждать от сына ханжи-бакалейщика. Буш в «W» (2008) Стоуна, напротив, виновен в том, что он беспутный маменькин и папенькин сынок, которому в кошмарах бьет морду, что твой призрак отца Гамлета, отец-президент.

Раньше президент узнавал правду жизни из уст простых американцев. Теперь, в «Американской мечте» (American Dreamz, 2004) Пола Уэйна, впадает в ступор, когда случайно, впервые почитав газеты, узнает, что народ о нем думает. Впрочем, иногда ходяки к президенту все-таки попадают, но лучше бы они этого не делали. В фильме Джона Гурвица и Хейдена Шлосберга «Гарольд и Кумар бегут из Гуантанамо» (Harold & Kumar Escape from Guantanamo Bay, 2008) герои-обалдуи проваливаются сквозь крышу президентского дома, чтобы дернуть с Бушем травки.

Раньше президентские семьи были образцами любви и целомудрия. Теперь похитители президентской дочери требуют в «Fogey Play» (1975) за ее освобождение, чтобы первая пара трахалась в прямом эфире. Ради сокрытия очередной интрижки президент в «Плутовстве» (Wag The Dog, 1997) Барри Левинсона разыгрывает телевойну с Албанией: через два года фантазия аукну-

лась бомбежками Сербии. В «Абсолютной власти» (Absolute Power, 1997) Клинта Иствуда президентская похоть стоит жизни и его любовнице, и ему самому.

Галактические злодеи Зод, Урса и Нон ставят президента на колени в «Супермене II» (Superman II, 1980) Ричарда Лестера и Ричарда Доннера. Зеленые человечки вырывают сердце самодовольному идиоту-президенту в «Марс атакует!» (Mars Attacks! 1996) Тима Бертона.

Утешает одно. Пара киносценариев реализовались: война на Балканах и то, что афроамериканец обречен стать президентом в жизни, побывав им на экране, как Морган Фримен в «Столкновении с бездной». Возможно, кино обладает способностью предотвратить катастрофу, проиграв ее на экране. Но в таком случае женщина станет президентом США очень нескоро: ведь на киноэкране это случалось лишь трижды.

САМЫЕ ПРЕЗИРАЕМЫЕ В КИНО

президенты — Ричард Никсон и Джордж Буш-младший. Первый составлял списки врагов-кинематографистов. Второй всегда казался беспутным маменькиным сыночком

«Я пытаюсь прожить несколько жизней одновременно»

Ральф Лорен об американской моде



РАЛЬФ ЛОРЕН В МАЕ 2007-ГО ПОСЛЕ ДЕФИЛЕ В СПАСО-ХАУСЕ, ПОСВЯЩЕННОГО ОТКРЫТИЮ ЕГО ПЕРВОГО МОСКОВСКОГО МАГАЗИНА

ВСЕ, ЧТО Я ХОТЕЛ

когда бы то ни было надеть в своей жизни, все это я сделал

РАЛЬФ ЛОРЕН СВОЙ АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ ПРИДУМАЛ САМ: ТВИДОВЫЙ КОСТЮМ, АНТИКВАРНЫЙ АВТОМОБИЛЬ, ДОРОГАЯ СОБАКА

С САМЫМ американским из американских дизайнеров РАЛЬФОМ ЛОРЕНОМ по просьбе «Стиля» поговорил главный редактор журнала GQ НИКОЛАЙ УСКОВ.

— Об американской моде часто судят по вашей марке Ralph Lauren. Насколько она в традициях Америки и насколько ваши соотечественники умеют и любят одеваться?

— Сейчас многое в Америке изменилось, а еще несколько лет назад я бы ответил вам, что никогда не считал, что у американцев есть вкус в одежде и они разбираются в моде. Мне кажется, что успех моей марки как раз и связан с тем, что я поставил себе цель научить их одеваться элегантно. Особенно американских мужчин, на которых в Старой Европе смотрели с некоторой усмешкой. Необходимо было придумать что-то такое, что бы они сами оценили и приняли и что бы изменило их образ, образ американца.

— Но это ведь только в вестернах американцы одинаковы и узнаваемы. Они же такие разные. Вот WASP — «белый англосаксонский протестант» с Восточного побережья, старые деньги, дорогая элегантность. Или ргерру — пай-мальчик из колледжа. Или et-setter на яхте в Сен-Тропе. Для какого американца вы работаете?

— В том-то и дело, что для всех и сразу. Я хочу быть разным. Я завел себе самолет, что-

бы быть и в Калифорнии, и в Нью-Йорке, и в Европе, в Париже например. Это как несколько человек в одном. Я пытаюсь прожить несколько жизней одновременно.

— То есть ваши стопроцентные американцы с рекламных имиджей — это прежде всего вы сами?

— Конечно, не случайно же я сам столько снимался для рекламы. Сначала я всегда создавал одежду, которая вдохновляла бы меня самого, выбирал образ и обыгрывал его в разных вариациях. Я придумывал наряды для уикенда, на каждый день, для вечеринки, для свиданий, для размышлений. Все, что я хотел когда бы то ни было надеть в своей жизни, все это я сделал.

— Вы, в сущности, реклама Америки во плоти. Даже с излишком. Вы известны всем и каждому, имеее роскошные апартаменты на Пятой авеню, поместье в Вестчестере, виллу на Лонг-Айленде, две виллы на Ямайке, ранчо в Колорадо. У вас одна из лучших, если не лучшая в мире, личная коллекция олдтаймеров. Даже самолет у вас есть, как и место в сотне американского Forbes. То есть вы воплотили все фантазии, которые могли прийти в голову Ральфу Лившицу из Бронкса, внуку эмигрантов из Российской империи.

— Когда я был маленьким, мои родители разговаривали дома по-русски. Они делали это, чтобы мы, дети, не знали, о чем они

говорят. Мой отец родился в Пинске. Я часто слышал это название, но никогда понятия не имел, где он находится, теперь знаю, что это город в Белоруссии. Моя мама родилась в Гродно. Но дело не только в том, откуда ты родом. Умеешь ли ты мечтать и можешь ли ты сделать так, чтобы твои фантазии пригодились другим. Да, это отчасти по-американски.

— Вы говорите, что научили одеваться американцев. А кто научил вас?

— Я никогда не учился на дизайнера. Все, что я делаю, я делаю интуитивно. Это идет изнутри. Мой стиль никогда не был похож на типичный американский. Когда я был подростком, я не знал, что нужно делать, я все равно хотел здорово выглядеть. Мои сверстники из Бронкса были помешаны на черных байкерских куртках. Они с ума сошли от рок-н-ролла, Элвиса. Кстати, сегодня я больше одеваюсь в стиле Элвиса, чем тогда. Не знаю, откуда это у меня, но мне еще в молодости нравился профессорский стиль: всякие твидовые костюмы. А английский стиль меня просто завораживал. Вообще, я уже тогда больше всего ценил индивидуальность. Мои друзья носили одну одежду, я — другую. Так я чувствовал себя комфортнее, более защищенным. Мне хотелось быть особенным, не похожим на других, и с тех пор ничего не изменилось. Когда я нашел свой стиль, я решил сделать на этом бизнес.

— Но ваши вещи выглядят так, как будто бы они созданы в европейской стране и созданы не сегодня. Вы сами так одеваетесь и так же одеваете других. Это по-американски?

— Я и не хочу выглядеть как человек из fashion-индустрии. Мне скорее нравится быть вне времени. В мире моды такой подход — большая редкость. Этим мой стиль отличается от большинства брендов. Принято считать, что любая одежда устаревает. У людей возникает желание купить что-нибудь новенькое, они это покупают, носят. То им хочется походить на кого-то, то они решают избавиться от надоевшей вещи. И снова возникает желание купить что-нибудь свежее. У меня все по-другому. Мне нравится, когда вещи смотрятся слегка поношенными, неновыми — так, как будто у них есть история.

— И теперь вы распространяете свою американскую историю на другие континенты. Устроили выставку собственных олдтаймеров чуть ли не в Лувре, открыли ресторан в Париже, куда не так-то просто попасть.

— Правда? Приятно слышать. Это тоже одна из моих фантазий — я просто гулял по городу и понял: «О Господи, я хочу съесть гамбургер». Так я решил открыть в Париже ресторан «Ральф». Не знаю, почему именно гамбургеры, но я понял, что это очень по-американски.

«Качество моды сегодня важнее, чем раньше»

Том Форд о том, как важно быть хорошо одетым



GAMMA/RAPHO / GETTY IMAGES / FOTOBANK



МАГАЗИН TOM FORD В ТРЕТЬЯКОВСКОМ ПРОЕЗДЕ В МОСКВЕ БЫЛ ОТКРЫТ 22 СЕНТЯБРЯ 2011 ГОДА

АМЕРИКАНЕЦ Том Форд был главным дизайнером не только итальянского дома Gucci, но и французского бренда Yves Saint Laurent: на подиуме в Париже в марте 2004 года

АМЕРИКАНЕЦ Том Форд открыл свой первый магазин в Москве и получил титул «Человек года» журнала GQ. О том, чем его одежда отличается от одежды других брендов, о маркетинге и casual, о Гойе, Европе и Америке, с ТОМОМ ФОРДОМ поговорил fashion-директор GQ и главный редактор GQ Style ИГОРЬ ГАРАНИН.

— На церемонии «Человек года» все было глубоко тронуты вашими словами о том, что свое решение стать модельером вы приняли в Москве в 1984 году. Что тогда стало причиной этому?

— Я был студентом, учился на архитектора. Мы были на экскурсии в России, вернее в СССР. Тогда, кстати, это было весьма популярное направление. И вот я свалился в Москве со страшным коварным гриппом и три или четыре дня не выходил из своего номера. И у меня появилось время для того, чтобы подумать о себе и о своей жизни. О том, что я с ней в конце концов делаю? И совершенно неожиданно мне пришла в голову мысль, что я просто должен стать модельером. Сразу же, как я вернулся в Париж, я бросил архитектуру, начав обучение на модельера, и ни разу не пожалел об этом.

— Как изменились мужчины и женщины за последние несколько лет?

— У всех появилось стремление к истинному качеству. Люди перестали обращать внимание на что-то ультрамодное, сиюминутное. Им нужна настоящая одежда, и именно такую предлагает Tom Ford.

— Что сейчас важнее: великий бренд или истинное качество? И к чему больше тяготеет Tom Ford?

— Качество сегодня важнее, чем когда бы то ни было раньше. Бренд, который не под-

креплен качеством, — это безнадежная и бесперспективная пустышка. Это просто болтовня! Дом Tom Ford предлагает самое высокое качество из всех, что работают на рынке. Масса ручной строчки, эксклюзивные, связанные вручную ткани, ручной работы кожаные изделия, не имеющие аналогов в промышленности.

— Не могли бы вы сказать несколько слов о вашей коллекции «осень-зима» 2011–2012?

— В основе коллекции — испанское влияние. Если быть совсем точным, то Гойя. Этот художник оказал огромное влияние на меня, он стал вдохновителем. Я использовал испанские мотивы в кружевных блузах, ярких, ясных цветах, в глубокой чувственности.

— Я бы назвал вашу маркетинговую стратегию антимакетингом. Ваш потенциальный клиент должен быть исполнен отваги, чтобы решиться зайти в темный, кажущийся таким неприступным магазин. Вам так не кажется?

— Я все-таки надеюсь, что покупатели не находят магазины Tom Ford такими уж беспросветно темными и недоступными. Конечно, иных могут смутить наши цены

на одежду, но всегда можно приобрести косметику, очки, ароматы Tom Ford. Аксессуары и парфюмерия представлены во всех знаменитых и крупных универмагах мира.

— Как вы собираетесь показывать ваши будущие коллекции? Ведь очевидно, что вам не удастся повторить удивительное первое шоу, где были всего 100 гостей и 1 фотограф?

— Я намерен показывать свои женские коллекции так же, как я показываю мужские коллекции с самого основания Tom Ford. Я буду устраивать небольшие презентации для редакторов журналов и для прессы. Необходимо увидеть и видеть одежду Tom Ford с близкого расстояния, чтобы по достоинству оценить качество и детали.

— Как вы собираетесь развивать модный дом Тома Форда: домашняя линия, ювелирные изделия, в конце концов сложные золотые часы?

— У нас уже есть обширная коллекция высококачественной бижутерии для женщин и запонки из драгоценных металлов для мужчин. Конечно, я всегда мог похвастаться большими замыслами и планами! Я надеюсь расширить эти линии в течение

нескольких лет и в конце концов ввести в линейку и часы, и предметы домашнего обихода.

— Существует ли возможность для нас перестать быть вечно casual? Как мы можем сохранить формальный дресс-код?

— Я думаю, что быть хорошо одетым — признак уважения по отношению к окружающим. К счастью, многие придерживаются такой же точки зрения. За последние несколько десятилетий сложился такой тренд — быть casual. Я думаю, что мы проходим постепенно весь цикл и начинаем одеваться хорошо.

— Как ваши идеи в моде отражаются в ароматах Tom Ford?

— Как и моя одежда, они предназначены тем, кто понимает красоту и требует только самого высокого качества. Мои клиенты — это сильные люди с огромным чувством индивидуального стиля, и я создаю одежду и ароматы именно для таких людей.

— То, что вы американец, помогает или мешает вам понимать европейских или, скажем, российских клиентов? Существует ли какое-то несоответствие?

— Я думаю, что одним из ключевых моментов моего успеха в мире моды, — моя, как бы это сказать... Короче, я гибрид! Я мультикультурный человек. Я американец, но я прожил в Европе 25 лет. Современный мир тоже гибрид. Гибриден расово, культурно. То, что я делаю, отчасти американское, отчасти европейское. И такая позиция находит более широкий отклик, чем позиция тех брендов, которые закреплены, закольцованы на себе.

«ОДЕЖДУ TOM FORD

необходимо увидеть с близкого расстояния, чтобы понять ее сложность, понять ее детали»

«Для американца вещь от Harry Winston — это награда»

Фредерик де Нарп — о настоящем и будущем великого ювелирного дома



Новый CEO Harry Winston Фредерик де Нарп намерен привлечь новых клиентов



Кольцо Chrysler из первой коллекции «Эпохи де Нарпа» New York

Ювелир Гарри Уинстон, бриллиантовый король Голливуда, заложил основы американского ювелирного минимализма

ФРЕДЕРИК ДЕ НАРП

занял пост CEO главного ювелирного дома США в январе 2010 года. Блестящий воспитанник легендарной менеджерской школы Cartier, господин де Нарп за короткий срок пребывания у власти успел сделать многое. О том, легко ли в современном мире продолжать старые бриллиантовые легенды, ФРЕДЕРИК ДЕ НАРП рассказал ЕКАТЕРИНЕ ИСТОМИНОЙ.

— **Что можно считать вашим главным достижением за время руководства Harry Winston? Что успели сделать?**

— Моя цель — это обновление. Сделать это непросто, ведь Harry Winston — дом, основанный Гарри Уинстоном, бриллиантовым королем Голливуда, — это старая материя. Но меня пригласили именно затем, чтобы я придал современности, мобильности такой классической структуре, как Harry Winston. Harry Winston — это не имя из музея классических искусств, куда приходят затем, чтобы подышать историей. Это реальное предприятие, торжественное, красивое, голливудское, но адаптированное к современности. Ведь корни Harry Winston — в Нью-Йорке, одном из самых стремительных и подвижных мегаполисов пла-

неты. Harry Winston, драгоценная звезда города Нью-Йорка, не должен быть мертвой ракушкой, приставшей к днищу большого корабля. Harry Winston — это вовсе не «Титаник».

— **Красивые слова, но в реальности что изменилось?**

— Первое: реставрация нашего флагманского исторического магазина на Пятой авеню. Мы сохранили коды, ДНК, но сделали так, чтобы магазин перестал быть похожим, как я говорил раньше, на музей. Мы сохранили цвета, формы мебели, потолки, но при этом все выглядит свежим, будто свежая, только что срезанная роза! Ведь, если честно, до реставрации к нам многие заглядывали из какого-то туристического любопытства. Мол, вот как жили люди еще сорок лет назад! Второе: мы серьезно занялись линейкой. Первый шар — коллекция New York, посвященная нашему родному городу. Динамичная, очень американская, узнаваемая, архитектурная, дорогая. В ней читается американский шик — мобильный, внятный, четкий, вкусный. Большой успех! Все хотят хоть что-нибудь из этой линии. Популярностью пользуются не только крупные

вещи, но — и это меня радует особенно — вещи небольшие. Стало быть, к нам идет другой покупатель.

— **Хорошо ли это для дома, чей статус легендарный, чьи украшения были воспеты Мэрилин Монро, радоваться приходу другого покупателя?**

— Здесь две стороны вопроса. Два ответа. Оба раза «да»! Да, это хорошо. Во-первых, марка не исторический музей, она не может жить только уровнем high jewelry. Это тупиковый путь. Изготовление вещей в единственном экземпляре только часть нашей деятельности, но если мы будем работать только на узкую клиентуру, мы проиграем в итоге в эстетике, а потом — и в деньгах. Я жду новых клиентов, и я очень жду молодежь, ведь ей жить, ей покупать, ей любить, ей выбирать подарки. Клиентура должна быть разной — и взрослой, и молодой. Ведь дом живет своими клиентами. Они приносят деньги, они же приносят и идеи. Это коммуникация, пусть не такая очевидная. Вот, например, у нас есть совсем свежая линия Lily Cluster, ее мы представили в Нью-Йорке в мае этого года. Это небольшие украшения, но их дизайн почти скопирован с вещей, сде-

ланных самим Гарри Уинстоном в конце 1940-х годов. Это и относительно недорогие вещи, но они золотые, с бриллиантами, орнамент и сюжет — цветочные. Плюс в ней представлены модные пикантные украшения — например, к таким я отношу бриллиантовую заколку для волос, которая одновременно может быть и брошью. Такие игровые драгоценности нравятся девушкам.

— **Вы работали в Cartier, доме, который является кузницей ювелирных и часовых кадров. Есть ли разница в управлении американским и французским ювелирными домами?**

— На самом деле сегодня, в настоящий момент, разницы нет. Хотя, надо подчеркнуть, я не был президентом всего Cartier, я возглавлял американское отделение дома. Поэтому я не менял собственно самого рынка. Потом я не менял уровень: и Cartier, и Harry Winston — легенды. Хотя в историческом плане разница между американским ювелирным домом и французским, конечно, есть. Для американцев вещь от Harry Winston — это награда. Для французов Cartier — это предмет искусства.

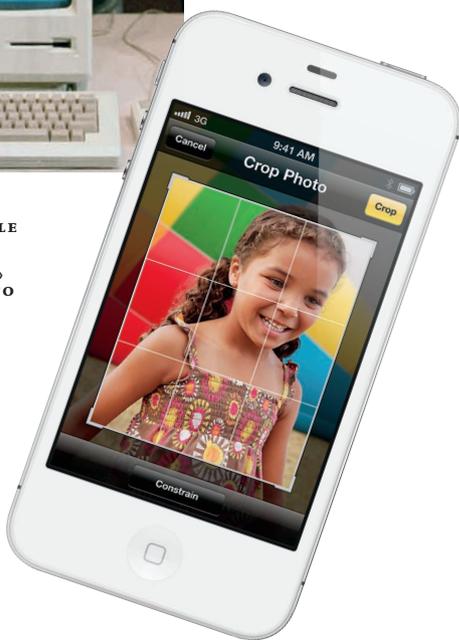
Яблоко от яблони

Стив Джобс оставил нам Apple

Игорь Мальцев



ВМЕСТЕ СО СТИВОМ ДЖОБСОМ APPLE ПРОШЛА ПУТЬ ОТ ПЕРВОГО «МАКИНТОША» ДО ПОСЛЕДНЕГО IPHONE



APPLE БЫЛА И ПОКА ЧТО ОСТАЕТСЯ ОДНИМ ИЗ СТОЛПОВ АМЕРИКАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ

СТИВ ДЖОБС БЫЛ ЕДИНСТВЕННЫМ ПОСЛОМ АМЕРИКИ, КОТОРОГО СЛУШАЛСЯ РУССКИЙ ПРЕЗИДЕНТ ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ



REUTERS/RIA NOVOSTI/REXUS



Я ПИШУ эти строки на iPad2, сидя в машине посреди русского поля на юге Рязанской области. Машина дальше не идет, потому что нет дороги. Рядом со мной сидит человек, который со своего iPhone4 раздает сам себе интернет по локальному Wi-Fi на свой MacAir. В соседней деревне осталась в живых одна старушка. И к ней все равно не проехать. Но, не имея возможности преодолеть 3 км, мы присутствуем одновременно во всем мире. И все благодаря человеку, каждая идея которого встречала одновременно восхищение, осмеяние или ненависть. До него никогда не видел, чтобы технику люди воспринимали настолько лично — вплоть до сексуальных коннотаций.

А за что его любить-то — Стива Джобса? Он ведь визионер. А визионеры очень неприятные люди. Они видят то, чего не видят другие, и ломают всех через коленку, чтобы заставить всех остальных если не увидеть, то хотя бы немного поработать над планами того, кто видит.

Когда он представил компьютер с человеческим интерфейсом, а не с идиотской таблицей для технарей, он просто подарил компьютер миллионам простых людей, над которыми в открытую издевались и насмехались носители сакрального знания — Norton Commander и жрецы командной строки.

И люди с пузырями на коленках и в недельной щетине не простили Джобсу

предательства — ведь, с тех пор как он придумал мышку, никто кроме него не придумал ничего лучше. Он ее дал, и он же ее и убил своим же «тачпадом». И ни разу не спросил совета у больно умных.

Каждый раз, когда он что-то запускал, находилась миллион человек, которые вам рассказывали, что это: а) придумал не он; б) не будет работать; в) вообще для геев.

А кому какая разница, что 3G запустила Samsung? Мне гораздо важнее, что благодаря Джобсу 3G работает под Рязанью в колхозе, разрушенном снегом и водкой. Чувствуете дистанцию? Айтишники не могут простить Джобсу того, что он не дал им возможности «докручивать» программы, копать в них сумным видом — желательнее за зарплату. Никто не может простить ему того, что он не спрашивал у «специалистов», нужно ли убирать из компьютера трехдюймовый дискковод. Просто отменил его как класс — и все.

Если бы он дал шуму чужих мнений заглушить свое видение, то мы бы все еще пользовались 3,5 дискетой и на нашем MacPro было бы по 20 USB-портов в ряд (а как же без них-то?). Понятно, почему его уволили из Apple (кстати, хотелось бы подробнее понимать структуру корпоративной Америки — когда создателя компании можно из нее вышибить): он создатель другой корпоративной культуры.

Чуждой сегодняшней, где рулят маркетологи и фокус-группы. Если бы маркетологи знали хоть что-то про будущее, они бы работали Джобсом, а не пудрили мозг советам директоров по всему миру.

Да, конечно, iPad — это четыре склеенных скотчем iPhone. Посмеялись? Ха-ха. А теперь Стив смеется со своего iCloud, глядя на миллионные продажи. Нашлась же масса людей, которые уверяли, что видели и знают планшетные разработки доайпд-ной эры. Да-да, конечно. Ну и где они? В какой IT-заднице?

Стив Джобс, конечно же, неприятный человек: он обещал компании Apple, которую знают и боготворят все битломаны мира — с целым, а не надкушенным яблоком, что не будет заниматься музыкальным бизнесом. И обманул. Взял и сделал музыкальный плеер, который убил не только культовый Walkman, но и все подобные разработки, и дело даже не в железе как всегда — потому что почти каждый раз на рынке были люди, делающие что-то лучше, чем Apple: например, Archos — ну и где этот Archos?

Он нарушил обещание, данное представителям битлов, но зато создал самую большую в мире систему дистрибуции музыки через iTunes, дав возможность миллионкам перестать платить мейджор-компаниям по \$20 за кусок пластика ценой десять центов.

И покупать любимую песню одну за 99 центов, а не в компании с 15 неудачными.

Даже его знаменитая закрытость ОС, вылилась в небывалый взрыв программного творчества, когда он открыл AppStore, напав несколькими строгими правилами деструктивную энергию неприкаянных программистов от Албании до Северного полюса в конструктивное русло, а не в написание вирусов.

Может, он не был революционером, а просто докручивал то, что придумали другие люди, которые не знали, что со всем этим делать, вполне возможно. Но ведь надо быть сексуально депривированным типом, чтобы после обводов очередного нового Mac думать обо всех остальных компьютерах — больше смахивающих на советский пережиток холодной войны с потонувшей ядерной лодки.

Конечно, Стив Джобс почему-то не видел в России рынка, хотя я знаю людей, которые лично купили у него несколько станций Next, когда его выгоняли из Apple. И до сих пор мне лично оскорбительно, когда происходит сегрегация меня по территориальному признаку.

Но меня волнует другое — после его ухода в той же Apple восторжествуют люди типа тех, кто его увольнял за своемыслие. Корпоративную Америку никто еще не сломал. Даже сидящий на iHeaven Стив.

Король конвейера Америка Генри Форда

Екатерина Истомина

ГЕНРИ ФОРД —
КЛАССИЧЕСКИЙ
АМЕРИКАНСКИЙ
КАПИТАЛИСТ



К концу Первой мировой войны половина всех автомобилей мира происходила из Ford Motor



ТРАКТОР
«ФОРДЗОН-
ПУТИЛОВЕЦ»



FORD MONDEO
СТАЛ АВТОМОБИЛЕМ
ДЖЕЙМСА БОНДА
В ФИЛЬМЕ
«КАЗИНО "РОЯЛЬ"»

ГЕНРИ ФОРД БЫЛ ИМЕНЕМ

и лицом американского автопрома
в Америке и в России

ГЕНРИ ФОРД, потомок ирландских эмигрантов, родился в 1863 году в пригороде Детройта: отцом будущего автомобильного строителя Америки был зажиточный фермер Уильям Форд. Папаша Форд хотел, чтобы его сын продолжил дело, но Генри мало интересовался отцовской капустой. Он любил игрушки: Генри, впрочем, не играл с ними, как простой ребенок, а разбирал до основания. Когда ему исполнилось десять лет, он разобрал до винтика все механические часы, что нашел в доме. Страсть к часам нашла выход позднее: будущий основатель Ford Motor начинал свой трудовой путь, работая подмастерьем в часовой мастерской.

Приблизительно в то же время (в конце 1890-х годов) под Детройтом образуется сообщество автомобилистов-любителей. Молодой американский часовщик Генри Форд не мог остаться в стороне: он смастерил несколько подвижных конструкций, больше напоминавших трех- или четырехколесные самоходные конструкции, нежели пусть и примитивные, но все-таки автомобили. И так, часовщик стал гонщиком. Потом гонщик стал автомобильным предпринимателем: свой первый самодельный автомобиль Генри Форд продал какому-то ушлому фермеру в 1896 году — за \$200. До великой машины

Ford T по прозвищу «крошка Лизи» оставалось 12 лет: первая модель вышла в октябре 1908-го и предлагалась по цене \$825.

Генри Форда можно считать основателем американского автопрома: пусть даже автомобили выпускали и до него, как это делали братья Дюреа из Спрингфилда, штат Массачусетс (братья показали свое первое устройство на бензине в 1893-м). Но Форд выдвинул иную концепцию автомобиля: не роскошь, а именно средство передвижения. В отличие от всех прочих американских автомобилей начала XX века, «крошка Лизи» лучше глотала ухабы проселочных дорог: другие производители делали ставку на прочность машины, а Форд — на мягкость хода.

К другим важнейшим заслугам Ford Motor нужно отнести взаимозаменяемые детали, а также упрощение и стандартизацию производственных процессов — благодаря применению конвейерных линий. «Избавь каждого из 12 тыс. рабочих от необходимости делать десять лишних шагов в день, и им не понадобится проходить 15 лишних миль, зря растрачивая силы», — говорил Форд. Он был мастером на афоризмы, самым известным из которых является следующая: «Автомобиль может быть любого цвета при том условии, что он черный».

Движущая конвейерная линия стала позднее главным элементом предприятий всего мира: Генри Форд совершил производственную революцию. Умный, математически выверенный бизнес Ford Motor привел к тому, что к концу Первой мировой войны половину всех автомобилей в мире составляли модели Ford T. Американские газеты захлебывались от гордости, а одна из них даже разродилась передовицей «Боже, храни Генри Форда!». Форд, возможно, единственный американский капиталист, от фамилии которого было образовано особое экономико-политическое течение — фордизм. В основе фордизма лежит аксиома о благосостоянии рабочих конвейерных производств, которые, хорошо зарабатывая, смогут и сами приобретать те товары, которые они производят.

Генри Форд не только «выжимал соки» из рабочего класса, но и снабжал своих рабочих различными социальными благами. В Ford Motor был социальный отдел, который, например, занимался обучением английскому языку иммигрантов, работавших на заводах Форда, а также обеспечивал новыми рабочими местами тех, кто заработал на производстве инвалидность.

Впрочем, в жизни и в бизнесе Генри Форд стелил жестко и был не совсем

приятным человеком: известны его антисемитские взгляды, которые Форд никогда не скрывал, публикуя различные тематические заметки в принадлежащей ему еженедельной газете The Dearborn Independent и позднее даже спонсируя НСДАП. Взгляды обошлись дорого: никакая партия не захотела поддержать его кандидатуру, когда он задумал баллотироваться на пост президента США, и впоследствии ему не раз приходилось объясняться в прессе. Лояльность к нацизму, однако, не помешала Форду сотрудничать с СССР: в 1923 году на мощностях бывшего Путиловского завода выходит фордовский трактор «Фордзон-Путиловец»; в 1929-м при помощи Ford Motor открывается производство на Горьковском машиностроительном заводе.

Сам Форд под давлением профсоюзов был вынужден уйти с поста и передать бразды правления единственному сыну — Эдзелу. В 1943-м, после его гибели, Генри Форд вновь возглавил дело, но уже ненадолго: в 1945-м президентом стал внук, Генри Форд II. Подобная «королевская» нумерация выглядит логичной: Ford Motor — это действительно капиталистическая империя, историческое и технологическое величие которой трудно переоценить.

Угроза ястребу Кто бросал вызов Америке

Михаил Трофименков |



«МАРС АТАКУЕТ» (1996)
ТИМА БАРТОНА: ВРАГ
СПУСТИЛСЯ С НЕБЕС



КРОВОЖАДНЫЕ ГЕНЕРАЛЫ
В «ДОКТОРЕ СТРЕЙНДЖЛЭВЕ»
(1964) СТЭНЛИ КУБРИКА
ВТРАВЛИВАЮТ АМЕРИКУ
В ЯДЕРНУЮ ВОЙНУ

В СУЩЕСТВОВАНИИ

и поддержании «образа врага» нуждаются не только, как принято считать, тоталитарные режимы. Без него не может прожить ни одна страна, ощущающая себя носителем некой миссии. Среди демократий таких стран, конечно, немного, но их малочисленность с лихвой компенсирует Голливуд.

Врагов Америки множество, и принципиально важно деление этих врагов на внутренних и внешних. Часто они выступают рука об руку. В вестернах 1920–1930-х годов строительству трансамериканских железных дорог мешают и налетающие из прерий индейцы, и неперенный вредитель, какой-нибудь инженер, тайком работающий на конкурирующую компанию, зачастую — европеец. В недавнем «Железном человеке» (Iron Man, 2008) Джона Фавро в одну игру играют американские производители оружия и афганские террористы из организации «Десять колец». Но все-таки чаще внутренние и внешние враги — сами по себе. Просто у них разные цели.

Внутренний враг — это те, кто оскверняет американскую мечту о равенстве, свободе и справедливости, посягает на американские ценности. Конечно, существует много взаимоисключающих представлений об этой мечте, но надо учитывать, что Голливуд — традиционно демократическая институция: и в том смысле, что киношники голосуют за демократов, и в том, что им ближе, условно говоря, левые идеалы.

Первым доморожденным врагом, угрожающим самим основам демократии,



«КРОВАВЫЙ РАССВЕТ» (1984)
ДЖОНА МИЛИУСА: СОВЕТСКИЕ
ВРАГИ ДЕСАНТИРОВАЛИСЬ
НА ФУТБОЛЬНЫЕ ПОЛЯ
И АВТОБАНЫ ПРОСТОЙ
АМЕРИКИ

Голливуд представил оргпреступность времен «сухого закона». Недаром к названию вольного жизнеописания Аль Капоне, «Лица со шрамом» (Scarface, 1932) Говарда Хоукса, был прибавлен подзаголовок: «позор нации». А в «Легких миллионах» (Quick Millions, 1931) Роулэнда Брауна прокурор убеждает присяжных в опасности мафии в таких выражениях, словно на страну напали безжалостные варвары. «Еще двадцать таких лет, и у нас будет не республика, а гангстерское государство», «мы станем обществом бродячих псов».

В тех же 1930-х Голливуд забил тревогу по поводу плутократов-политиков, продажных и глухих к народным нуждам. Обличительные речи посвящали им герои Фрэнк Капры, делегаты провинциальной, немудреной, искренней, патриархальной Америки в фильмах «Мистер Дидс переезжает в город» (Mr. Deeds Goes to Town, 1936) и «Мистер Смит едет в Вашингтон» (Mr. Smith Goes to Washington, 1939). Это они выгоняли на улицу простой люд в «Вам этого с собой не унести» (You Can't Take It With You, 1938) Капры, сгоняли с земли фермеров в «Гроздьях гнева» (The Grapes Of Wrath, 1940), доводя режиссера, консерватора

Джона Форда чуть ли не до призывов к революции в финале фильма.

После войны образ врага оформился в образ монополий, которые нарушают не только гражданские права американцев, но и, что едва ли не страшнее, разрушают здоровье людей и экологию, подвергая угрозе саму жизнь на Земле, как делают это атомные энергетика в «Китайском синдроме» (The China Syndrome, 1979) Джеймса Бриджеса. Это может быть фабрика по очистке плутония в «Силквуд» (Silkwood, 1983) Майка Николса, табачная кампания в «Инсайдере» (The Insider, 1999) Майкла Манна или энергетическая, как в «Эрин Брокович» (Erin Brockovich, 2000) Стивена Содерберга, да хотя бы и галактическая монополия в «Аватаре» (Avatar, 2009) Джеймса Кэмерона.

Внутренний враг — и тот, кто разжигает ксенофобию, покушаясь на концепцию Америки как «плавильного котла» и нации эмигрантов. Еще в «Черном легионе» (Black Legion, 1937) Арчи Маййо детройтский рабочий попал под влияние дочернего предприятия Ку-Клукс-Клана, наслушавшись по радио воплей об иностранцах, отбирающих у коренного населения рабочие места.



НЕРАЗУМНЫЕ ПРИМАТЫ БУНТУЮТ ПРОТИВ АМЕРИКИ НА СВОЙ ЛАД: В ФИЛЬМЕ «ВОССТАНИЕ ПЛАНЕТЫ ОБЕЗЬЯН» РУПЕРТА УАЙАТТА, (2011)



В «СИРИАНЕ» (2005) СТИВЕНА ГЭГАНА АМЕРИКАНЦЫ СРЖАЮТСЯ ПРОТИВ ТЕРРОРА



«ВЕЛИКИЙ ДИКТАТОР» (1940) ЧАРЛИ ЧАПЛИНА: ВЕЛИКИЙ КОМИК ВВЕЛ МОДУ НА АКЦЕНТ И ДЕФЕКТЫ РЕЧИ, С ТЕХ ПОР ВРАГИ АМЕРИКИ ТРУДОЛЮБИВО КАРТАВЯТ И ШЕПЕЛЯВЯТ

Голливуд, честь ему и хвала, твердо уверен: худший враг Америки — тот, кто требует «Америки для американцев».

Не менее опасны кровожадные генералы, не раз и не два, начиная с «Доктора Стрейнджлава» (1964) Стэнли Кубрика, где военные фигурили под именами «Джек Потрошитель», «Кинг-Конг» и «Птичье дерьмо», втравливали экранную Америку в апокалиптическую ядерную войну.

Враждебны американской мечте спецслужбы, пытающиеся поставить граждан под тотальный, технический контроль или идущие на преступления из соображений сохранения государственной тайны, что нарушает право на свободный доступ к информации. А то и плетут заговоры с целью установить в Штатах военнопольцейский режим. Имя этим фильмам — легион: от «Трех дней Кондора» (Three Days Of The Condor, 1975) Сидни Поллака и

«Принципа домино» (The Domino Principle, 1977) Стэнли Крамера до «Врага государства» (Enemy Of The State, 1998) Тони Скотта. Это их тени маячат за спиной убийцы президента Кеннеди, кто бы конкретно ни стрелял в него, в JFK (1991) Оливера Стоуна.

С внешними врагами все гораздо забавнее. Можно было бы, конечно, педантично перечислять временных врагов, начиная с Испании, у которой в 1898 году США отобрали самые симпатичные колонии. Недаром же первым пропагандистским фильмом считается именно американский — «Испанский флаг сорван» (Tearing Down The Spanish Flag, 1898). Режиссер Стюарт Блэктон водрузил на крыше дома вражеское знамя, сам же по флагштоку вскарабкался, знамя сорвал. Вот и весь фильм: публика была в восторге. Но Испания быстро лишилась статуса врага и стала неинтересна. Тот же Блэктон слепил несколько немудреных антинемецких агиток вроде «Боевого клича мира» (The Battle Cry Of Peace, 1915).

Но и о тевтонском враге Голливуд забыл до самого кануна Второй мировой, чтобы вспомнить лишь в «Признаниях нацистского шпиона» (Confessions Of A Nazi Spy, 1939) Анатоля Литвака, осуждавших нацистов, прежде всего за то, что, организуя всяческие «общества германо-американской дружбы», они пытаются втянуть Штаты в чужой конфликт. Америка еще пыталась блюсти принцип изоляционизма, и только когда он рухнул под японскими бомбами,

обрушившимися на Перл-Харбор, внешний враг обрел необходимый, для того чтобы быть серьезным врагом, масштаб.

Естественно, нацисты до сих пор остаются — даже престарелые — на голливудском экране воплощенным злом. Что, впрочем, не мешало американцам уже в 1950-х годах снимать кино о «хороших» генералах вермахта, типа солдатах, выполнявших свой долг. Но при всей глобальности нацизма, как врага рода человеческого, это тоже был в конечном счете временный враг.

При всей жесточенности холодной войны, таким же временным врагом был и коммунизм. Да, эта война длилась на порядок дольше, чем война с нацизмом, но тоже закончилась. И антисоветские фильмы представляют теперь лишь архивный интерес. От «Кровавого снега» (Red Snow, 1952) Бориса Петроффа, где «красные» испытывали тайное оружие на эскимосах Аляски, и «Кровавого Дуная» (The Red Danube, 1949) Джорджа Сидни, где они пытались венгерского кардинала, до «Кровавого рассвета» (Red Dawn, 1984) Джона Миллиуса, где они десантировались на футбольном поле школы в штате Колорадо. К тому же симпатичные «красные» стали появляться на экране уже с середины 1960-х. А еще раньше советские руководители предстали в кино как своеобразные, но, когда припрет ядерная угроза, вменяемые собеседники.

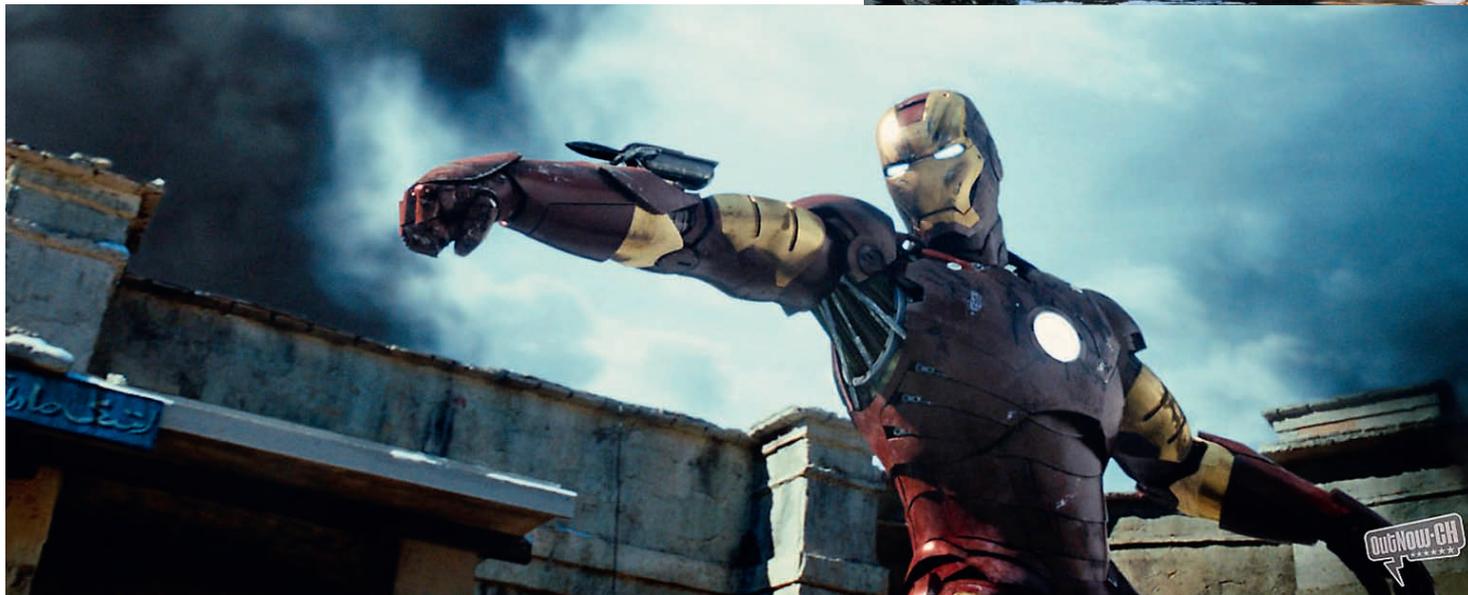
Сейчас кажется, что «международный терроризм» — один из самых адских врагов Америки в голливудском зеркале. Но фильмы о кознях террористов снимали с 1970-х

ВРАГОВ АМЕРИКИ МНОЖЕСТВО,
и принципиально важно деление
этих врагов на внутренних и внешних



AFP/ THE PICTURE DESK / KOBAL

«Эрин Брокович» (2000) СТИВЕНА СОДЕРБЕРГА: ВРАГАМИ СТАНОВЯТСЯ НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ, ВЛАДЕЮЩИЕ НЕДРАМИ АМЕРИКИ



«Железный человек» (2008) ДЖОНА ФАВРО: В ОДНУ И ТУ ЖЕ АНТИАМЕРИКАНСКУЮ ИГРУ ВВЯЗЫВАЮТСЯ И ВНУТРЕННИЕ ВРАГИ, И ВНЕШНИЕ ПРОТИВНИКИ

годов. А как раз после 11 сентября 2001 года Голливуд в своей массе счел политически корректным заступаться за мусульман, защищая их от огульных обвинений в кровожадности, и винить в мировом кризисе авторитарные режимы, притом связанные с американскими бизнес-интересами, как в «Сириане» (Syriana, 2005) Стивена Гэгхена. Но и о террористах в чалмах и бородах Голливуд неминуемо позабудет.

Как ни странно, изо всех конкретных наций постоянным врагом Голливуд ощущает старушку Англию: неужели так саднит память о сожженном англичанами Белом доме? Это ощущение иррационально: это коллективное бессознательное Голливуда, и выражается оно причудливо. Неистребима традиция приглашать на роли наиболее отвратительных злодеев именно английских звезд. От Чарльза Лоутона, сыгравшего доктора Моро, в «Острове потерянных душ» (Island Of Lost Souls, 1932) Ирла Кентона, до Стивена Бойда — римлянина Мессалы в «Бен-Гуре» (Ben-Hur, 1959) Уильяма Уайлера. От Пола Сколфилда в роли немецкого офицера, эстета и садиста, в «Поезде» (The Train, 1966) Джона Франкенхаймера до киллера Эдварда Фокса в «Дне шакала» (The Day Of The Jackal, 1973) Фреда Циннемана и Питера Кашинга — галактического императора в «Звездных войнах» (Star Wars, 1977) Джорджа Лукаса. Да что там говорить, если самого Сатану в «Величайшей когда-либо рассказанной истории» (The Greatest Story Ever Told, 1965) Джорджа Стивенса сыграл лысый англичанин Дональд Плезенс.

Круче того: в «Великом диктаторе» (Great Dictator, 1940) Чарли Чаплин в образе гитлероподобного Аденоида Хинкеля инсталлировал свой английский акцент, и даже актеры-янки, играя злодеев, этот акцент благоприобретают, как в циклах о «Бэтмене» и «Крепком орешке».

Но это так, курьез. Исключение, подтверждающее правило. А правило гласит, что истинные и самые страшные враги Америки — это враги человечества как такового. Просто, отбросив политику изоляционизма, Америка сознает себя не страной, а миром. Всем миром.

А врагов человечества, в общем-то, не так уж много.

Конечно, это природа, точнее говоря, стихия: природа — это как раз друг человека. Недаром жанр фильма катастроф оформился именно в 1970-х годах, в эпоху политической и военной разрядки, их вал все крепчает да крепчает: все эти «Послезавтра» (2004) и «2012» (2009) Роланда Эммериха.

Столь же опасна для человечества и наука, бесконтрольные и безответственные исследования, благодаря которым власть над миром может захватить суперкомпьютер, как в «Колоссе» (Colossus, 1970) Джозефа Сарджента. Или бессмысленно и беспощадно норовящие взбунтоваться приматы, как в «Восстании планеты обезьян» (Rise Of The Planet Of The Apes, 2011) Руперта Уайта. Специалист по научной фантастике Деймон Найт так сформулировал образ этого врага еще в 1967 году. «Хи-

трец, который хочет вас убить, тот человек с пронзительными глазами, который употребляет непонятные слова, который жонглирует опасными, невидимыми для нас вещами. Он человек, который изобрел «Фау-2» и атомную бомбу. Это ученый, профессор, яйцеголовый».

Главный же враг, для которого характерны сразу и использование высших технологий для геноцида людей, и тоталитарное желание поразить выживших, иногда — путем вторжения в сознание, и мощь стихии, — это инопланетяне.

Да, в разные годы, в зависимости от политической конъюнктуры, они могли казаться метафорой конкретных врагов. Первая «Война миров» (The War Of The Worlds, 1953) Байрона Хаскина не случайно появилась на пике ядерного противостояния. И цвет Марса, населенного агрессивными, одноглазыми пауками-гигантами, обретал символический смысл, хотя бы в фильме Иба Мельхиора «Злобная красная планета» (The Angry Red Planet, 1959). Тоталитарная красота воинства Дарта Вейдера рифмовалась с легионами «империи Зла». А в «Битве за Лос-Анджелес» (Battle: Los Angeles, 2011) Джонатана Либесмана сражения со вторженцами стилизованы под привычный телеформат репортажей о городской герилье в Багдаде или Кабуле.

Но инопланетяне тем и хороши, что в них можно вложить любой сиюминутно-политический смысл, а потом отбросить его. А они все будут и будут покушаться на нашу Землю. То есть, на Америку.



AFP/ THE PICTURE DESK / KOBAL

JFK (1991) ОЛИВЕРА СТОУНА: ВРАГ ПОПАЛ В САМОЕ СЕРДЦЕ ПРЕЗИДЕНТА

Еще раз про любовь О своем двухколесном американце

Павел Филенков |



ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ HARLEY-DAVIDSON



ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ HARLEY-DAVIDSON



ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ HARLEY-DAVIDSON

В СОВРЕМЕННОМ мире на загадку «Два кольца, два конца...» все чаще правильным считается ответ «свадьба геев». С моей точки зрения, правильный ответ — «мотоцикл с двумя глушителями» (на сленге байкеров «конец» означает «глушитель»), то есть имеется в виду типичный Harley-Davidson.

«А, собственно, почему именно „Харлей“?»

Я слышу этот вопрос давно и регулярно. Я слышу его каждый раз, когда подъезжаю на своем Harley-Davidson Heritage Softail Classic (ну да, вот так солидно называется эта модель, хотя можно попроще и совсем неромантично: FLSTC) к любой компании байкеров. Я слышу этот вопрос, когда заполняю разные мотодокументы, например, при пересечении границы или при страховании мотоцикла. Этот вопрос задает почти каждый останавливающий меня для проверки документов жрец полосатой палочки.

Я устал от этого вопроса больше, чем от быдловских «Скока прет?» и «Скока отдал?», а примерно такой набор регулярно выслу-

шивает в России любой мотоциклист. Я боюсь этого вопроса, потому что не знаю, как на него ответить. Нет, я, конечно, имею какие-то аргументы и соображения на этот счет, мои эмоции мотивированы чем-то, имеющим вербальную форму, но пытаться все это высказывать заправщику или таможеннику представляется таким же идиотизмом, как начать подробно и обстоятельно отвечать на вопрос приятеля «Ну, как жизнь?». А я сейчас все-таки попробую...

Для начала отмету соображения, которые могли бы быть ответами, но такими не являются. Поскольку «Харлей» не первый и далеко не единственный мотоцикл в моем гараже, то аргумент «ты просто другого не знаешь» явно не проходит. Не годятся в качестве аргумента и активно распространяемые почитателями Harley-Davidson утверждения об уникальных ходовых качествах их мотоциклов. Имея возможность сравнить эти качества не только с остальными своими собственными мотоциклами, но и с большим числом других, на которых я катался во время

журналистских тест-драйвов, могу утверждать: Harley-Davidson рулится, ускоряется и тормозит не лучше большинства одноклассников, не говоря уже о более драйверских моделях.

Комфортность? Ну, отчасти — да. Мягкие длинноходовые подвески и широкие седла (правильнее было бы — кресла) способны уберечь ряд дорогих сердцу любого байкера органов от назойливой информации о неровностях дороги. Но в угоду вальяжной посадке подножки вынесены настолько вперед, что привставать на больших ухабах становится неудобно, а страдают от этого все те же органы. Огорчают и вибрации, являющиеся, кстати, родовой чертой настоящих «Харлеев» и прямым следствием другого неизменного фетиша марки — двухцилиндрового V-образного двигателя. Из-за этих вибраций комфортная скорость заканчивается на 120–130 км/час, хотя сам байк вполне может передвигаться и со скоростью 160–170 (что, кстати, тоже не является большим достижением).

Что же остается? Внешний вид? Это — да, это — пять! Во-первых, «Харлеи» просто



ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ HARLEY-DAVIDSON

СТИЛЬ HARLEY-DAVIDSON

за почти 110-летнюю историю компании кристаллизовался в практически безупречные линии, отражающие как ретромотивы, так и современные тенденции

красивы. Во-вторых, богатство модельного ряда и практически безграничные возможности тюнинга (разнообразными фенечками для этого не торгуют разве что на молочных кухнях) дают возможность любому подогнать мотоцикл под свои нужды и представления о прекрасном. Стиль этих мотоциклов за почти 110-летнюю историю компании кристаллизовался в практически безупречные линии, отражающие как ретромотивы, так и современные тенденции. Показателем вкуса дизайнеров Harley-Davidson является то, что многие реализованные в их мотоциклах решения вскоре становились признанной классикой и объектами многочисленных подражательств и прямых заимствований. Внешний вид не только хорош сам по себе, он еще прекрасно гармонирует со звуком выхлопа, глубокие басы которого приводят в истерику нервные сигнализации российского автопрома, заботливо припаркованного вдоль московских дорог.

Вместе все эти черты (как положительные, так и отрицательные) создают некое новое качество, настолько тонкое, немате-

риальное и сложно определяемое, что хочется назвать его «душа» или «аура». Вот эта душа и вызывает во мне наиболее сильные чувства, побуждающие к любованию и обладанию носителем этого качества. И раз уж случилось применительно к нескольким сотням килограммов брутального металла использовать столь метафизическое понятие, как «душа», то хочется дать соответствующее определение и вызываемому этим металлом чувству: мне кажется, что это — любовь.

Вот, слово произнесено — и сразу многое становится понятным. Становится понятно, почему байкеры покупают для своих мотоциклов разные хромированные железочки: это они дарят украшения любимым. Ясно, почему многие байки так трогательно раскрашены черепами, волками и прочей неземной красотой: да это просто макияж. А мне ясно, почему чаще всего я выезжаю из гаража именно на «Харлее», и ясно, почему я испытываю некую щемящую стыдливость, уезжая на другом мотоцикле.

И вот как все это рассказать менту?



Время на дороге

У мотоциклов кроме гонок есть и свои конкурсы красоты. В финале такого мирового конкурса, который состоялся в американском Стуржисе, штат Южная Дакота, появился мотоцикл Harley-Davidson Nescafe Racer Bike. Это не просто мотоцикл, но и передвижная оправа наручных часов. Для главных соревнований Америки, существующих с 1938 года и ставших теперь крупнейшим и знаменитейшим фестивалем байкеров в мире, мотостроители получили подарок от часовой марки Bell & Ross. Часы Bell & Ross Instrument BR01 размещены на алюминиевой центральной панели мотоцикла Harley-Davidson, тюнинг-ованного известной британской компанией Shaw. Молодой французский бренд давно сделал ставку на милитаристский в частности и маскулинный в целом продукт. Создателям Bell & Ross дизайнеру Бруно Беламишу и маркетологу Карлосу Росильо удалось разработать очень внятную, доходчивую и массовую философию марки. Философия сводится к тому, что часы — это в первую очередь точный прибор, лучшее место для которого вовсе не запястье и даже не карман модного полосатого жилета, а приборная доска. И даже не важно, где именно располагается эта доска — перед глазами пилота самолета, капитана подводной лодки или беспечного ездока на знаменитом американском мотоцикле.



Их частное дело О музеях Америки

Милена Орлова |



ТОМАС КРЕНЦ



В Фонд Соломона Гуггенхайма выехали мотоциклы его главы Томаса Кренца, Денниса Хоппера, Джереми Айронса и Лорен Хаттон

СКАЖИТЕ ЧЕСТНО,

какой образ у вас возникает при слове «музейщик»? Вот у меня так и стоит перед глазами высоченный вальяжный Томас Кренц, 20 лет возглавлявший Фонд Соломона Р. Гуггенхайма, самый блестящий музейный холдинг современности. Вернее, сидит. На своем мотоцикле, который он, как лошадь в римский сенат, вкатил в музейные залы вместе с новой идеей, что музей не столько храм, сколько аттракцион и толика «попсовости» ему не повредит. Выставка «Искусство мотоцикла» стала одной из самых популярных в истории Гуггенхайма. Члены гуггенхаймовского мото-клуба голливудские звезды Лорен Хаттон, Джереми Айронс, Деннис Хоппер слетались по знаку Кренца хоть в испанский Бильбао — на открытие футуристического Гуггенхайма архитектора Фрэнка Гери, хоть на пробег Петербург—Великий Новгород, превращая вернисажи в светские события первой величины. «Russia!» в главном нью-йоркском Гуггенхайме была одной из редких выставок, которую почтил своим присутствием тогда, в сентябре 2005 года, президент Владимир Путин. При Кренце Фонд Гуггенхайма превратился в настоящую империю, раскинув по миру сеть своих филиалов — сейчас это четыре музея (один, в Лас-Вегасе, плод сотрудни-

чества с Эрмитажем, закрылся, некоторые проекты — в Бразилии и Литве — не осуществились), которые каждый год посещают 3 млн человек. На подходе пятый, самый грандиозный — в Абу-Даби, пугающий гигантским размахом стройки, но обещающий оправдать усилия притоком туристов.

Но вряд ли Томасу Кренцу удалось бы осуществить свою революцию, соединив шоу-бизнес, туристическую индустрию и музейное дело и придумав технологию «музей под ключ», если его патронами были бы чиновники из российского Минкульта, а не рискованные трасти — покровители фонда, готовые потратиться из своего кармана на самые безумные и дорогостоящие затеи. Да, в Америке музеи — это по преимуществу частное дело. И чтобы оценить размах этой филантропии, достаточно вспомнить историю самых знаменитых нью-йоркских художественных музеев, на которые сегодня ориентируется весь мир.

Вот, скажем, дом, который построил Фрик. Замысла делать музей у сталелитейного и коксового магната Генри Клея Фрика не было — он просто мерился недвижимостью со своим партнером Эндрю Карнеги (да-да, «Карнеги-холл» — это именно его дело) и выкупил целый квартал по такой-то авеню напротив Центрального парка. Появившаяся 100 лет назад не то вилла, не

то палатка с садиками поражала воображение своими размерами и роскошью. Да и внутри было на что посмотреть: из родного Питсбурга Фрик перевез коллекцию старой европейской живописи, которая — спасибо отменному вкусу и щедрости нумуриша — состояла почти из одних шедевров. Например, целых 5 Вермееров из существующих в мире 37 штук. Нрава Фрик был крутого, бизнес вел жестко — рабочие у него бастовали вплоть до того, что один из активистов совершил покушение на «кровопийцу», но кто об этом вспоминает сейчас, когда особняк Фрика с его содержимым стал музеем? Музейному зданию, как показал дальнейший опыт, прощается любая экстравагантность, и «Фрик Коллекшн» сегодня воспринимается на фоне последующих свершений в музеестроительстве чем-то консервативным и классическим, этакой вставкой итальянского ренессанса в модернистский Манхэттен.

Фрику было на что оглядываться: в 80-е годы XIX века в Центральном парке уже возвели неоготическую махину музея «Метрополитен» (известный фасад и крылья появились позже). Уже само название музея свидетельствует об амбициях тогдашних американских меценатов, решивших превратить Нью-Йорк в художественную столицу мира в пику Парижу. И ведь уда-

лось. Вскладчину. В основу музея легли три частные коллекции, а владелец одной из них, кипрских древностей, полковник Чеснола стал первым директором музея. А потом понеслось — «Метрополитен» уставал отбиваться от жертвователей. Так, например, в конце 1920-х музей отказался принять в дар коллекцию современного американского искусства Гертруды Вандербилт-Уитни. Красавица богачка, к тому времени поучившаяся в Париже на скульптора у самого Родена и заведшая в Гринвич-Вилладж модную студию для молодых художников, которую очевидцы описывают как сказочный чертог с белыми павлинами, не растерялась и учредила свой музей. Музей американского искусства Уитни.

Впрочем, если уж Мет принимал дары, то не забывал благотворителей. По музею можно передвигаться как по мемориалу богатых и знаменитых — не только этикетки, но и целые залы украшены их именами. Вот коллекция Роберта Лемана — 2,5 тыс. единиц хранения, отборное европейское искусство семи веков, которая была отписана музею в 1969-м и для которой построили специальное помещение, воспроизводящее интерьеры семейной резиденции Леманов. Крыло Саклера — именно в нем расположен настоящий еги-



ALAMY/ITAP-RCC

ГЕРТРУДА ВАНДЕРБИЛЬТ-УИТНИ, ОСНОВАТЕЛЬНИЦА МУЗЕЯ АМЕРИКАНСКОГО ИСКУССТВА УИТНИ



ALAMY/ITAP-RCC

НАД МОМА ДЕРЖАЛ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО РЕСПЕКТАБЕЛЬНЫЙ ГУБЕРНАТОР ШТАТА НЬЮ-ЙОРК НЕЛЬСОН РОКФЕЛЛЕР, А НАД «МЕТРОПОЛИТЕН» — ПУТЕШЕСТВЕННИК МАЙКЛ С. РОКФЕЛЛЕР (СПРАВА ВВЕРХУ)



ALAMY/ITAP-RCC

СТАЛЕЛИТЕЙНЫЙ МАГНАТ ГЕНРИ ФРИК ЗАЛОЖИЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МУЗЕЯ СОБСТВЕННОГО ИМЕНИ



петский храм из Дендура. Крыло Майкла С. Рокфеллера — предметы из Африки, Океании и Латинской Америки. Самый милый уголок — музейная крыша имени четы Кантор, имеющих в родословной родственников из Белоруссии, — правда, выставки скульптуры и потрясающие панорамы небоскребов можно лицезреть только в теплое время года.

Сегодня музейными коллекциями «Метрополитен» владеет частная корпорация Друзей и Дарителей, состоящая из 950 человек во главе с попечительским советом (41 член), в который приглашают и представителей городских властей. Эта неполная тысяча граждан, по сути, и обеспечивает благополучие музея (лишь 15% своего дохода он получает от продажи билетов). Мет — «один из», если не самый богатый музей мира — и не только по части универсального собрания. Его бюджет на 2009–2010 годы составлял \$222 млн, а фонд развития — эндаумент, по разным данным, — около \$2–3 млрд. Ну и по рейтингу газеты The Art Newspaper — самый посещаемый, почти 6 млн в год (Эрмитаж не вошел и в первую десятку).

Понятно, что «Метрополитен» был национальным проектом с девизом «догнать и перегнать Европу», однако ноу-хау и лицом американского меценатства стали не

новоделные исторические декорации Метта (ауродворцов европейских монархий им перешибить трудно), а первые в мире музеи модернизма, спроектированные и построенные в соответствии с их авангардным содержанием. В конце 1920-х и начале 1930-х годов на этом поле возникло сразу несколько инициатив, финансируемых мощными семейными кланами миллиардеров — Рокфеллерами, Вандербильтами-Уитни и Гуггенхаймами. Любопытно, что всех их тайно консультировал один человек — Пол Сакс (партнер в компании «Голдман и Сакс»). Он так увлекся искусством, что, выйдя из бизнеса, стал по приглашению Генри Форбса университетским профессором в Гарварде и впервые разработал курс музейного менеджмента. Именно он порекомендовал Эбби Олдри Рокфеллер и ее подругам своего студента Альфреда Барра в качестве директора нового Музея современного искусства (MoMA), основанного в 1929-м. Протеже Сакса стал легендой музейного мира уже с первой выставки «Абстрактное искусство и сюрреализм», для которой он вывез из Европы массу произведений, в том числе несколько ключевых работ Малевича, по преданию, в зонтике. Кроме того, Барр первый завел в музей отделы дизайна, архитектуры, кино и фотографии, рассматривая их как часть современного искусства.

На протяжении почти полувека одним из главных попечителей музея был Нельсон Рокфеллер — выдающийся политик, вице-президент США и губернатор штата Нью-Йорк, которого не отвратил от поддержки искусства даже скандальный инцидент с фреской Диего Риверы, которую он сам и заказал мексиканцу для своего Рокфеллер-центра. Вместо условного рабочего левака, нарушив контракт, вписал во фреску Ленина. Такой провокации Рокфеллер потерпеть, конечно, не мог. Монументалку сбили со стены, и в результате благодетеля многих художников ославили как циничного вандала-капиталиста.

Вандербильты-Уитни, как сказано выше, взялись опекать местных творцов, создав американскую Третьяковку в 1932-м (сегодня музей знаменит и своей всеамериканской биеннале, и курсами для художников, из которых вышли такие звезды, как Джулиан Шнабель и Риркрит Тиравания). А в 1939-м для публики открылся Музей нефигуративной живописи, ныне известный как Музей Соломона Гуггенхайма. Финансист послушался свою консультантку баронессу Хиллу Рибей и тоже начал скупать европейских абстракционистов и авангардистов, переживавших не лучшие времена, — так в музее оказалось едва ли не самое большое собра-

ние Кандинского, впервые показанное в бывшей автомобильной шоу-рум.

Естественно, между новыми музеями возникла негласная конкуренция. MoMA брал широтой коллекции, зато Гуггенхайм первый осознал важность достойной архитектурной упаковки своего собрания, заказав проект нового здания архитектору-новатору Фрэнку Ллойд Райту. Знаменитая ракушка-спираль была построена уже после смерти основателя музея, в 1959 году, породив новый жанр в архитектуре — «музей современного искусства», ставший алиби для самых фантастических экспериментальных проектов, чей расцвет мы наблюдаем сегодня. В 1960-е новыми авангардными зданиями обзавелись и Уитни, и MoMA. Однако трогательно, что после недавней реконструкции MoMA сохранил кусочек былой семейственности — сад скульптур имени Эбби Олдрих Рокфеллер, расположенный точно там, где была ее личная галерея. И жив еще человек, который знает, как из частной затеи возникают великие музеи, — ее сын, почетный член попечительского совета 97-летний Дэвид Рокфеллер.

Возможно, кто-то из его российских коллег, сегодня задумавших свой частный музейчик, тоже доживет до такого дня. Только не мешайте им любить искусство так, как они считают нужным.

Дорога заходящего солнца

По дороге 66 на Harley Davidson Electro Glide

Аркадий Райхштейн |



ПУТЕВЫМ заметкам и очеркам про трассу 66 нет конца, как нет и ни одного их автора, прошедшего ее, который рассказывает о ней как о чем-то заурядном. Я проехал по ней дважды — один раз за рулем, второй раз верхом на мотоцикле, и оба раза она предстала совершенно иной.

Это отнюдь не экстрим. Случайности возможны, но все же это поездка по цивилизации. В любом из 50 штатов можно всегда найти то, что нужно человеку в пути, и в таком количестве, что новичкам открываются новые грани понятия «конкуренция». Хоть ты и в пустыне Невада, но где-то должен быть и ночлег, и бензин, и хот-дог, и ТВ. Их качество — это уже вопрос вкуса и уровня предпочтений, но наличие их в этой стране обязательно, хотя ни одного закона или регламента нет. Даже прокладка маршрута с четким графиком и километражом, простите, милетражом, в поездках по Америке необязательна. Чтобы ночевать в пустыне с пустым баком, надо уж очень постараться.

Прокат Harley — дело совсем не сложное. Мы брали в компании Eagle Rider, но их, в принципе, десятки рядом с любым представителем Harley Davidson или Honda. Категории в правах они не проверяют, да и прочитать все равно ничего не смогут. Права и кредитка — через 20 минут вы уже в дороге. Без шлема можно ездить только в Канзасе и Иллинойсе. В нескольких других штатах можно, но не по трассе. В любом

случае вам его там же, в прокате, и дадут. Зато на одежду — самое большое внимание. Перепады, даже летом, могут быть любые. Ничего не будет лишним — от майки до лыжного термобелья. В нашем пути, в мае, амплитуда была от +3 до +38.

Выбор мотоцикла и попутчика — вещи хоть и разной категории, но они, как говорят американцы, «делают» вашу дорогу. Подумайте, вы и он — на ближайшие 3500 км это единое целое, и тут как с партнером по цирковой акробатике: ошибетесь вы — поездка испорчена обоим, что-то не так с ним — то же самое.

Практика показала, что на такие расстояния идеальное двухколесное средство передвижения — это Honda Goldwing, особенно если едет пара. Тут практически все, что и в машине, обогрев ног, подлокотники, даже задний ход. Но поскольку мы в Америке — и здесь есть только один король дорог, то самый удачный для дальней поездки — это Harley Davidson Electro Glide. Дело не в качестве самой машины — здесь Honda выше по всем показателям, но ничто и никогда не заменит ощущений прикосновения к легенде, а ведь вся 66-я как раз про это.

Какой еще может быть дорога, названная в честь актера и комика Вилла Роджерса? Он — такая же легенда Америки, как и сама дорога. Сын Оклахомы, из семьи индейцев чероки, странник и человек с вечной улыбкой — таким запомнили его

современники. Он три раза объездил мир и погиб, управляя самолетом на Аляске. А дорога его имени живет, хотя местами по ней проложены современные, достаточно безликие автобаны. И вот тут лучше не сбиться и не зевнуть. Чтобы ехать именно по 66-й, надо постоянно следить за указателями на historic route 66. Не поможет ни один навигатор, ее нет ни на одних картах. Это путешествие во времени. На 66-й лежит другая Америка, совершенно одноэтажная и во многих местах заброшенная. Здесь есть и одинокие фермы, и индейские поселения, и города-призраки. Иногда она заходит в крупные города, а также из них начинается и в них кончается, но это скорее пункты назначения и привала, чем смысл поездки по ней. Для полноты ощущений стоит заезжать в среднего размера города, где сохранился исторический центр довоенных времен, ходить в придорожные dinners и просто бары. Только здесь можно увидеть «стопроцентных» американцев, которых в стране больше 80%. Это они голосуют, они ходят в армию, они живут американской мечтой. Больше половины из них обо всем прочем мире знают только по телевизору, причем не из CNN.

Не стоит закладывать на дорогу меньше десяти дней. На практике со всеми остановками и дозаправками получается по восемь часов езды, если не случилось никаких непредвиденных обстоятельств. А они все же бывают. В нашей компании из трех

мотоциклов один «Харлей» встал три раза, безо всякой особой причины. Часть пути он вообще провел на экваторе — 250 км до ближайшего сервиса. Но десять дней — это если не сворачивать вообще, а мне, например, сложно представить, как можно проехать мимо Большого Каньона или Лас-Вегаса и не заехать.

В нашем случае мы сочли совершенно невозможным для русскоязычного человека не завернуть в местечко с названием Жоплин, штат Миссури. Городок полностью оправдывает свое название, при этом по-американски мил. Посетители местного бара на включенную музыку американского гимна встают все и снимают шляпы. Заведение на весь город одно, а шляпы, естественно, ковбойские — все-таки Средний Запад.

После Миссури дорога направляется четко на запад, и к вечеру ты рулишь прямо на солнце. По мере приближения к Калифорнии шоссе идет через пустыню Невада, а дневное солнце и пустыня для мотоциклиста смесь адская. Но выбора нет, так как пустыня это на самом деле горное плато и ночью ехать в температуре около нуля еще хуже.

В Золотом штате путь заканчивается, и ты понимаешь, что со времен Колумба Америку для себя открывали миллиарды людей. И если Россию умом не понять, а можно только в нее поверить, то Штаты, к счастью, можно еще и проверить колесами.

Кубок на экспорт

Как Америка подарила миру главную парусную регату

Алексей Доспехов |



АФР



HILTON ARCHIVE/GETTY IMAGES/ФОТОБАНК

Кувшин без дна — серебряный Кубок «Америки» изготовила британская фирма Garrard в 1848 году



REUTERS

AMERICA'S CUP СТАЛ ПОЛНОЦЕННЫМ МИРОВОМ КУЛЬТОМ

ИЗ ВСЕХ американских спортивных изобретений самое старое и самое успешное — это, пожалуй, America's Cup. Великой регате уже полтора века, и за это время она стала общемировым культом.

С ходу на вопрос, какой из вручающихся в современном спорте призов самый старый в мире, ответят немногие. Версии будут разными — теннисный Кубок Дэвиса, хоккейный Кубок Стэнли. Оба, действительно, относятся к спортивным древностям. Кубок Дэвиса появился на свет в 1900 году, Кубок Стэнли — в 1892-м. Но есть в спорте один трофей, который намного старше их. Ему в этом году исполняется полтора века.

Вернее, серебряный кувшин без дна, о котором идет речь, даже чуть-чуть старше. Лондонская ювелирная фирма Garrard изготовила его еще в 1848 году. Но спортивным призом он стал именно в 1851-м, когда состоялась теперь уже легендарная регата вокруг острова Уайт. Кувшин предназначался ее победителю.

Британия тогда еще правила морями. Но прибывшая из Нью-Йорка шхуна по имени America, экипаж для которой собрал бравый командор Джон Кокс Стивенс, обставила в той регате полтора десятка соперничавших с ней английских судов и забрала трофей домой в буквальном смысле слова из рук шокированной поражением соотечественников королевы Виктории. Собственно, это и есть начало истории Кубка «Америки» — соревнования и трофея, названных в честь той неприятно удивившей англичан шхуны.

America's Cup, который после этого стал проводиться регулярно, — одно из множества спортивных изобретений, внедренных в спортивный оборот американцами. И пожалуй, у него наиболее счастливая судьба по сравнению с другими. Американско-

му футболу остальной мир по-прежнему предпочитает стилистически похожее на него регби. От бейсбола сошла с ума лишь Япония. Волейбол так и не обрел статус топового вида, такого, в котором крутятся сотни миллионов долларов и который интересен сотням миллионов болельщиков. Баскетбол этот статус обрел, но за пределами США в него так до сих пор не научились играть так же хорошо, как играют американцы.

А вот America's Cup стал полноценным общемировым культом. Он транслируется на полторы сотни стран, и в прайм-тайме сюжеты о нем ставят и крупнейший американский спортивный канал ESPN, и итальянский RAI, и британский BBC. О нем пишут все серьезные издания. В нем крутятся уже даже не сотни миллионов долларов, а миллиарды: \$100 млн — это бюджет одного яхтенного синдиката. А претендовать на America's Cup нынче хочется очень многим.

Период американской гегемонии в нем длился долго — 132 года. Но в 1985-м американцев сокрушили австралийцы. Спустя еще десять лет пришел черед праздновать триумф синдиката из Новой Зеландии, в которой America's Cup какое-то время играл роль чуть ли не отдельного и чрезвычайно важного сегмента экономики. А уже в прошлом десятилетии случилось совсем уж неординарное событие. В 2003 году кувшином завладела Швейцария — страна, не имеющая выхода к морю! Но миллиардер Эрнесто Бертарелли, создавшему синдикат Alinghi, почему-то смертельно хотелось выиграть этот приз, и он в конце концов своего добился. А члены экипажа, который принес швейцарцам первую морскую победу, по популярности среди соотечественников конкурировали со швейцарским теннисистом Роджером Федерером.

Почему так произошло? Вариантов ответа несколько. Вероятно, американцы по-

пали в яблочко с форматом состязаний. America's Cup — это так называемые матчевые гонки. Две яхты состязаются друг с другом, и хорошо видно, где и когда кто-то получает преимущество. Все просто, понятно и, главное, «телегенично». Кругосветные регаты вроде Volvo Ocean Race или Around Alone — испытание, не исключено, на порядок более тяжелое, чем Кубок «Америки». Но как эти муки экипажа показать по телевизору? И как показать спортивную борьбу посреди океанских просторов, если яхты разделяют километры?

Вероятно, американцы попали в яблочко и с сутью соревнований. Кубок «Америки» неслучайно некоторые называют «парусной „Формулой-1“». Во всяком случае, составляющие их коммерческого успеха абсолютно одинаковые.

Строго говоря, «Формула» — это вряд ли безусловный номер один по зрелищности в мире автоспорта. Но те, кто придумал ее, очень тонко ощутили, что нынешнего спортивного фаната манят не только битвы характеров и талантов пилотов, но и битвы кошельков владельцев команд, а также гениев нанятых ими инженеров. Что в них тоже могут кипеть страсти. Ему, фанату, важно понимать: он смотрит нечто, круче чего с точки зрения возможностей техники, с точки зрения расходов на эту технику быть не может.

И в этом плане America's Cup, действительно, с «Формулой-1» сопоставления выдерживает легко. Потому что дорого и шикарно — не зря ведь отборочную регату спонсирует Louis Vuitton. Потому что скорости чудовищные: до 30 узлов при скорости ветра 15–17 узлов — тот, кто ходил под парусом, поймет, что это нечто невероятное. Потому что технологии развиваются такими же темпами, как в автоспорте. Еще в 1990-е годы яхты, участвующие в Кубке

«Америки», походили на ту шхуну, которая дала имя призу. У тех, которые бились за него год назад, в 33-м по счету America's Cup, с ней было мало общего. Одна — катмаран, другая — тримаран. Формы — космические. Даже паруса теперь делают не из парусины, а из композитных материалов.

Но зато публика в восторге. Фанаты в 2010 году обрушивали яхтенные интернет-сайты, обсуждая, что лучше, два корпуса или три, и поднимали вверх телерейтинги новостных выпусков, рассказывающих, как два миллиардера, владеющих синдикатами, которым выпало биться за кувшин, судятся друг с другом в нью-йоркском арбитраже по поводу технических нюансов, места проведения регаты. Страсти не кипели — били с двухкилометровой глубины раскленным фонтаном-гейзером.

С America's Cup могла, правда, приключиться одна беда. Заставив мир смертельно желать им владеть, сама Америка в какой-то момент очутилась чуть-чуть в стороне от розыгрыша приза. Австралийцы, новозеландцы, а потом даже швейцарцы не давали ей подступиться к нему. Америке повезло, что владелец корпорации Oracle Лэрри Эллисон оказался человеком упрямым. Почти десять лет сформированный им на обломках потерпевшего фиаско AmericaOne синдикат BMW Oracle подбирался к кувшину, пока, наконец, в 2010 году, одолев Alinghi в акватории Валенсии, им не завладел.

А эта победа значит то, что America's Cup вернулся домой — во всех смыслах. В первых, серебряный кувшин, когда-то стоивший сто гиней, а сегодня фактически бесценный, совершил грандиозное турне по США. А во-вторых, по регламенту соревнований обладатель трофея защищает титул на своей площадке. Уже известно, что следующий America's Cup — в 2013 году — примет Сан-Франциско.

Самая большая тройка Об Америке на колесах

Юрий Хнычкин |



Культовый «индейский» внедорожник Wrangler почти не меняется с годами



Башня GM в центре Детройта: бывший президент компании Чарльз Уилсон при утверждении его на пост министра обороны США заявил: «Что хорошо для General Motors — хорошо для Америки»

АВТОМОБИЛЬ занимает в пантеоне истинно американских ценностей место настолько почетное, что отсутствие гражданства США у Карла Бенца и Готтлиба Даймлера представляется досадным историческим недоразумением. Вклад американских инженеров и промышленников в дело массовой автомобилизации вполне сопоставим с немецким конструкторским гением, создавшим автомобиль 125 лет тому назад. Вся промышленная мощь США большую часть XX века была направлена на то, чтобы автомобили стали надежнее, быстрее и доступнее, и теперь плодами этой индустриальной революции пользуется весь мир.

Производство автомобилей в США началось в последнем десятилетии XIX века. В перспективную отрасль устремились десятки машиностроительных компаний, производивших до этого момента самую разнообразную продукцию — от сеялок до паровозов. Старейшим брендом до недавнего времени считался Oldsmobile, основанный в 1897 году. После его ликвидации за старшинство борются Buick и Cadillac,

образованные в 1902-м. Уже в начале XX века Oldsmobile использовал для сборки автомобилей автоматизированную линию, хотя в общемировой мифологии внедрение конвейера приписывается Генри Форду, который с 1913 года начал массовую сборку легендарной модели T, долгое время остававшейся самым массовым автомобилем в мире (с 1908 по 1927 год было выпущено более 15 млн экземпляров).

Период между двумя мировыми войнами был первой великой эпохой Детройта, вокруг которого традиционно группировались американские автопроизводители. Ныне не существующие марки наподобие Packard и Duesenberg установили высшие стандарты автомобильной роскоши и надежности (в те времена бытовало выражение «Спросите о машине того, кто ездит на „Паккарде“») и более чем успешно конкурировали с европейскими грандами — как с и поныне живыми Rolls-Royce и Mercedes-Benz, так и с прекратившими существование Hispano-Suiza и Bugatti. Сложившаяся к середине 1920-х «большая детройтская тройка», об-

разованная компаниями General Motors, Ford Motor и Chrysler с многочисленными отделениями-брендами, наращивала выпуск массовых автомобилей. Накануне Второй мировой войны в качестве опций для американских машин фигурировали такие высокотехнологичные агрегаты, как автоматические коробки переключения передач и кондиционеры.

Послевоенные десятилетия подарили миру новый взрыв американского «большого стиля» в автомобилестроении. Значение индустрии для страны в тот период избыточно исчерпывается фразой, произнесенной бывшим президентом General Motors Чарльзом Уилсоном при утверждении его на пост министра обороны США: «Что хорошо для General Motors — хорошо для Америки». Вошедший в моду во второй половине 1950-х новый стиль получил название «детройтское барокко»: его признаками стали кили-плавники на задних крыльях, обилие хромированных украшений и панорамные «аэродинамические» ветровые стекла. Популярным типом кузова становится хардтоп, который отличался



GETTY IMAGES/FOTOBANK

The dashing new Corvette (left) and the Bel Air Sport Coupe

*Chevy puts the purr
in performance!*



ZUMA PRESS

**DODGE RAM HEMI BIG
HORN CREW CAB**



**CHEVROLET EXPRESS
ВЫПУСКАЛСЯ ВО МНОГИХ
ВЕРСИЯХ: 2008 ГОД**



**HUMMER H2 SEDONA
METALLIC «BLACK CHROME»
LIMITED EDITION**



Сегодня Детройт, историческая столица американской автомобильной промышленности, один из самых неблагополучных и опасных городов США

отсутствием центральной стойки. Автомобили угрожающе растут в размерах, а объем двигателей зашкаливает за пять литров.

Первым предупредительным звонком «танкам янки», как стали называть продукцию автопрома США, стал энергетический кризис 1973 года. Аппетит массивных и прожорливых изделий «большой тройки» вошел в противоречие с выросшими ценами на бензин, а реакция отрасли оказалась откровенно запоздалой. Толчком не оправившись от падения спроса, вызванного топливным кризисом, американские автопроизводители столкнулись с растущим импортом легковых автомобилей японского производства. До сих пор поползновения иностранных производителей ограничивались продажей в Америке исключительно дорогих спортивных моделей, а чуть ли не единственным массовым автомобилем иностранного производства в США был фольксвагеновский «жук». Те-

перь же перетекавший через океан широкий поток практичных и дешевых «Тойот», «Хонд» и «Датсунов» подтачивал сами основы детройтского благополучия.

После ряда болезненных трансформаций к середине 1980-х годов американская автопромышленность приобрела ставший известным нам после падения железного занавеса облик. Акцент в производстве был перенесен с обычных легковых автомобилей на получившие популярность в США минивэны, внедорожники и пикапы. На этой территории американские производители, сдавшие массовый рынок легковых машин, а также luxury-сегмент японским и европейским конкурентам, до последнего времени чувствовали себя в относительной безопасности. Уступив сначала японцам, а теперь и китайцам лидерство в количестве производимых ежегодно автомобилей, США до сих пор располагают крупнейшим автомобильным парком в мире, насчитывающим более 132 млн единиц.

Конструктивно традиционные американские автомобили представляют собой сумму требований местного потребителя, помноженную на особенности национального менталитета. Двигатели отличаются значительным рабочим объемом при сравнительно небольшой отдаче мощности. Делается это ради увеличения ресурса двигателя без ремонта (форсировка, которой увлекаются и европейцы, и японцы, объективно сокращает срок

службы мотора), а также еще и потому, что бензин в Штатах относительно дешевый.

Чрезвычайно мягкие подвески и «тупое» рулевое управление — прямое следствие того, что в Штатах значительное время автомобили проводят на хайвеях, где равно сложно найти и выбоины, и крутые повороты, а автоматическая коробка, круиз-контроль и богатая внутренняя отделка («дрова-свинина», засилье электроприводов, обязательные подстаканники, которые выскакивают как черт из табакерки, три 12-вольтовые розетки для веселого пикника и проч.) отражают тягу американцев к комфорту. Вообще если приглядеться внимательнее, то становится очевидно, что отделка обычно выполнена не очень аккуратно, а кожа может соседствовать с дешевеньким пластиком, но это уже придиришки — для своей цены американские машины оснащены очень и очень недурственно.

Качество сборки сами американцы самокритично считают небезукоризненным. Говорят, что американскую машину невозможно отремонтировать до конца: в ней всегда найдется что-то, что будет громыхать, безосновательно зажигать табло Check Engine, но при этом ехать — то есть выполнять свое основное предназначение — она будет. В общем, если относиться к машине без фанатизма, как к куску железа, то американский автомобиль вполне имеет право на жизнь. И ваши отношения с ним — особенно на его исторической родине — будут долгими и счастливыми.

ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

«детройтское барокко», возникшее в середине 1950-х, через 20 лет сменилось на обидное прозвище «танки янки»



ФУФАЙКА FRANKIE MORELLO (ЦУМ)

БОМБЕР DOLCE & GABBANA

ФУТБОЛКА MOSCHINO

ПУХОВИК DOLCE & GABBANA

ШАПКА BAD SPIRIT (ЦУМ)

КУРТКА ETRO

ШАПКА ETRO

ФУФАЙКА DOLCE & GABBANA

СУМКА PAUL SMITH

СУМКА ERMENEGILDO ZEGNA

БРОШЬ BALENCIAGA

ШАРФ BAD SPIRIT (ЦУМ)

ЗАПОНКИ JACOB & Co.

рэпер

Стиль рэпера, певца рэпа, музыкального направления, возникшего в Бронксе в середине 1970-х, является важнейшим американским молодежным стилем. Рэперы вроде Pitbull пользуются авторитетом и уважением в молодежной среде, воспевая социальную несправедливость, романтические неудачи и прочие трудности жизни. Стиль рэпера — это еще и яркий, если не уникальный, пример постмодернизма в одежде, причем постмодернизма уличного, городского, а не изобретенного в дорогих парижских и миланских ателье. Здесь и элементы классической спортивной одежды, дорогие ювелирные украшения (или же подделки под них), не менее дорогие драгоценные часы, а также предметы из формального гардероба денди вроде трости или запонок

Очки TOM FORD



ПЕЧАТКА GRIMOLDI



БРОШЬ GRIMOLDI

КЕДЫ DOLCE & GABBANA (ЦУМ)

ЧАСЫ JACOB & Co.



КЕДЫ DOLCE & GABBANA



ТРОСТЬ ALEXANDER MCQUEEN





Клерк

Американский клерк — это в первую очередь обитатель каменных джунглей Нью-Йорка и частый герой новелл О.Генри. Клерк — это еще и «человек в фуляре», только на американский манер. Клерк застегнут на все пуговицы, он непродуваем и непромокаем. Жилет и шляпа, перчатки и портфель (а в иных случаях — и чемодан, ведь работодатель-капиталист может уволить и придется искать другое место, как для работы, так и для проживания). Прочные ботинки, огромный зонт, очень теплый шарф, который спасет от пробежки по дождливому и неприветливому к «маленькому человеку» мегаполису. Стиль американского клерка востребован в странах с развивающейся экономикой: эталоны успешно копируются с поправкой на местные климатические условия



ЖИЛЕТ
POLO RALPH LAUREN
DENIM SUPPLY (ЦУМ)

РУБАШКА ETRO

КУРТКА
DRIES VAN NOTEN
(ЦУМ)

РУБАШКА
POLO RALPH LAUREN

ДЖИНСЫ
ERMANNO SCERVINO

ПЛАТОК
ALEXANDER
MCQUEEN

ДЖИНСЫ
BILLIONAIRE

ДЖИНСЫ
SHANGAI TANG
(ЦУМ)

СУМКА
ERMANNO SCERVINO

ШЛЯПА LANVIN

РУБАШКА
GUCCI

КОВБОЙ

Ковбой, в сущности, главный герой американских народных сказок, если таковые, впрочем, существуют. Ковбой — это и охотник, и исследователь, и философ, и любовник, и защитник, и основной романтический персонаж старой доброй Америки. Стиль американского ковбоя, эдакого мушкетера Нового Света, сложился еще 150 лет назад и с тех незапамятных времен счастливо не менялся. Потертые джинсы, клетчатая рубашка, кожаные сапоги и кожаный ремень, подтяжки, платок на шею и крепкая куртка: от такого гардероба никогда не отказывались не только в Техасе, но и в странах Центральной и Латинской Америки, в ЮАР, а с некоторых пор в богатейших государствах Азии. Продажи классических ковбойских нарядов — джинсы, кожаные ботинки, клетчатая сорочка — в универмагах Китая растут с каждым сезоном

БРАСЛЕТ GUCCI

СУМКА KENZO

РЕМЕНЬ
EMPORIO ARMANI

ПОДТЯЖКИ ETRO

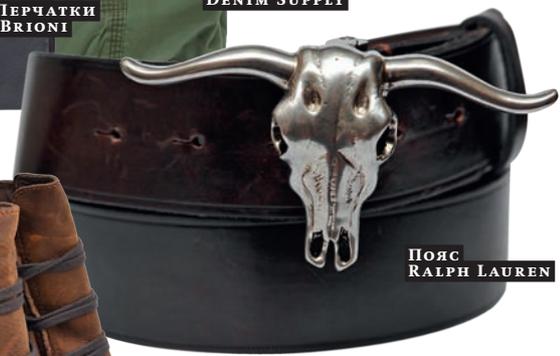
НОСКИ
JUNIA WATANABE
(ЦУМ)

САПОГИ RALPH LAUREN



рейнджер

80 отжиманий от пола за 2 минуты.
100 подъемов туловища за 2 минуты
из положения лежа на спине. 3,2 километра — за 12 минут. 2 марш-броска на 10 километров с грузом 18 килограммов и еще 2 — с грузом 20 килограммов за 90 минут по пересеченной местности. Между всеми упражнениями допускается 10-минутный отдых. Так звучат основные положения армейской подготовки американских рейнджеров. Степень влияния этих бравых парней на американское общество и особенно на его лучшую половину так велика, что американские гражданские мужчины примеряют на себя стиль рейнджера, не озадачиваясь физической подготовкой. Суровые кожаные куртки, брюки расцветок хаки, высокие ботинки на шнуровке, свитера грубой вязки: классические вещи из спортивных секций американских магазинов — от Нью-Йорка до Детройта





политик

Американский политический гардероб почти одинаков как для демократов, так и для республиканцев. Впрочем, отличия можно найти: президенты, избранные от Демократической партии, такие как Билл Клинтон или Барак Обама, с меньшей охотой, чем президенты-республиканцы (например, Джордж Буш-младший), облачаются в военную форму. В остальном же — сермяжная и неизменная классика мужского гардероба, символизирующая надежность, прочность, верность традициям. Дорогие кожаные портфели, золотые офисные часы (хотя тот же Барак Обама носит простую спортивную модель), смокинг на заказ, черные лаковые туфли и бабочка для торжественных случаев. Плюс — шляпа или меховая шапка, для экстремальных командировок





ШАПКА
EMPORIO ARMANI

ПУХОВИК
GUCCI

ФУФАЙКА
RALPH LAUREN

СВИТЕР
TOM FORD

ПУХОВИК
CORNELIANI

ПУЛОВЕР
RALPH LAUREN

СВИТЕР
JIL SANDER

СУМКА ДЛЯ ГОЛЬФА
HUGO BOSS

Мяч Y-3

ШЛЕМ
ДЛЯ МОТОЦИКЛА
MARTIN MARGIELA

ШЛЕМ
EMPORIO ARMANI

ТУФЛИ
RALPH LAUREN

РЮКЗАК
MARNI

спортсмен

Моду на спорт американцы переняли у англичан, однако к «приобретенным» состязаниям они сумели добавить многие собственные виды соревнований. Спорт в Америке — это важная часть государственной политики и настоящий предмет гордости всего американского общества. Спортсмены, сумевшие пробиться на самые высокие пьедесталы почета, немедленно становятся национальными героями. В США сильны как зимние, так и летние виды спорта: хоккей, фигурное катание, лыжи, стрельба, легкая атлетика, плавание, теннис, гольф, регби, поло. Популярность спорта активно питается и пристрастием простых американцев к простой и удобной одежде: и спортивная экипировка нередко становится частью привычного гардероба американца

ЧАСЫ ROLEX

КРОССОВКИ
DOLCE & GABBANA

КЕДЫ
EMPORIO ARMANI

КРОССОВКИ ICEBERG

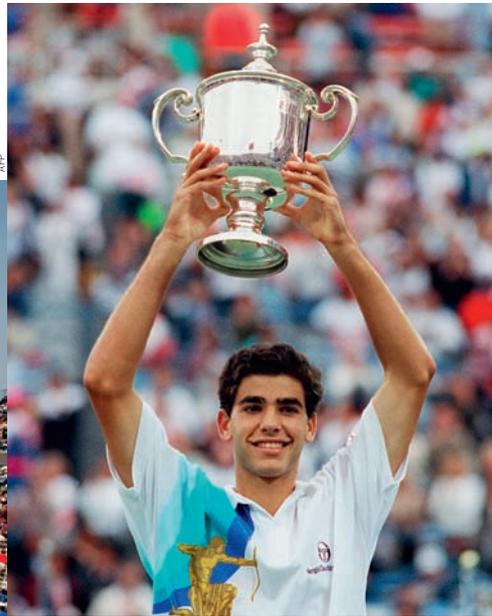
Теннисное открытие

US Open — самый особенный турнир Большого шлема

Алексей Доспехов



FLUSHING MEADOWS В КВИНСЕ: СВОЕ МЕСТО US OPEN ИСКАЛ ДОЛГО



1990 ГОД: ДЕБЮТ ПОБЕДНОЙ СЕРИИ ПИТА САМПРАСА, ВЕЛИЧАЙШЕГО СРЕДИ ВЕЛИКИХ

В ТЕННИСЕ существуют, как известно, четыре особенных, выделенных красным цветом в календаре турнира — турниры Большого шлема. Теоретически они абсолютно равны по статусу, но в действительности, конечно, конкурируют друг с другом за право считаться главным в этом блестящем квартете.

Наверное, отвечая на вопрос, какой из четырех великих турниров лучший, Открытый чемпионат США по теннису — US Open — назовут, если дать на раздумье секунду-две, немногие. Просто, скажем, Wimbledon и Roland Garros вызывают моментальные и очень четкие ассоциации. Лондонские соревнования — это изумрудная трава, белоснежная форма теннисистов и обязательная клубника со сливками в буфете. Французские — красная глина знаменитых кортов и бокал искрящегося на солнце шампанского перед дневными матчами.

Открытый чемпионат США, в отличие от английского и французского чемпионатов, никогда не кичился традициями, хотя по возрасту уступает лишь появившемуся в 1877 году Wimbledon. US Open уже 120 лет: Roland Garros моложе на десять, а Australian Open — на 14 лет. Но вот кое в чем US Open — это безусловный номер один в теннисе.

Например, где еще вы найдете такой уровень комфорта, как на кортах парка Flushing Meadows в Квинсе? Где еще найдете такой удобный и вместительный теннисный стадион, как стадион имени Артура Эша — рассчитанную 22,5 тыс. человек центральную арену US Open? Для полного счастья ему не хватает разве что

раздвижной крыши, которую почему-то никак не построят.

Свое место Открытый чемпионат США, кстати, искал долго. Турнир проводился в разных городах и городках страны, пока в 1977 году один из руководителей теннисной федерации страны, Слю Хестер, не полетел по делам в Нью-Йорк. Когда самолет пошел на снижение, Хестер увидел с высоты птичьего полета заброшенный стадион Singer Bowl, расположившийся почти в центре парка Flushing Meadows. Он стоял без дела с 1964 года, когда завершилась Всемирная ярмарка (к ней он, собственно, и был возведен). Десять месяцев спустя на его месте появилась новая 18-тысячная арена, названная в честь Луи Армстронга. Она служила центральным кортом до открытия в 1997 году стадиона Артура Эша.

И выяснилось, что именно здесь, на бывших болотах, идеальные условия для того, чтобы турнир превратился в востребованное зрелище. Посещаемость US Open ежегодно росла невероятными темпами и перевалила уже за 600 тыс. человек, а одновременно росли доходы организаторов. По прибыли, которую приносит Открытый чемпионат США, — а она составляет около \$60 млн ежегодно — ему точно нет равных.

Свое покрытие US Open тоже искал мучительно. Пробовали и траву, и грунт. И кажется, правильно, что в 1978 году отказались от попыток копировать Wimbledon и Roland Garros, остановившись на DecoTurf. Некоторым теннисистам это покрытие — в том числе из-за жесткой бетонной подушки, на которую оно кладется, — не нравит-

ся. Зато оно нравится зрителям. Низкий и быстрый отскок мяча — это ведь всегда шанс для тех, кто любит выходить к сетке. А уимблдонская трава, между прочим, нынче стала заметно «медленнее», чем прежде, и мастерам игры с лета на ней приходится все труднее и труднее.

А еще зрителям нравится, что в Нью-Йорке не прижилось лондонское правило вести себя на трибуне во время матча так, словно пришел не на спортивное состязание, а в оперу. Здесь разрешается немножко пошуметь — и разве это плохо?

Насчет покрытия и атмосферы можно, разумеется, поспорить — дело вкуса. Но вот с чем не поспоришь, так это с тем, что US Open — лидер по всякого рода теннисным инновациям. Именно на Открытом чемпионате США в 1970 году впервые в истории турниров Большого шлема при счете 6:6 в сете стали играть тай-брейки, сократившие время матчей и сделавшие их более предсказуемыми с точки зрения телетрансляций. Именно здесь в 2006-м впервые в истории турниров Большого шлема была применена система видеоповторов HawkEye, которые игрок имеет право потребовать применить в том случае, если не уверен в правильности судейского решения. Сегодня без тай-брейков и «Ястребиного глаза» теннис невозможно представить. Но чтобы в виде спорта, где традиции — святыня, где консерватизм почти всегда клал на лопатки любые попытки устроить даже крохотную революцию, ввести инновации, требовалась американская смелость.

Есть у US Open еще одна интересная особенность. По непредсказуемости он превосходит любой другой турнир Большого шлема. Может быть, из-за расположения в календаре (он проходит в августе—сентябре, в тот момент, когда у сильнейших теннисистов успели накопиться и травмы, и болячки), но Открытый чемпионат США богат на сенсации и сюрпризы.

Во второй половине прошлого десятилетия невозможно было представить, что кто-то способен вмешаться в битву между Роджером Федерером и Рафаэлем Надальем: швейцарский и испанский гении делили приз исключительно между собой. Единственным турниром, который им не удалось выиграть, стал US Open 2009 года, принесший победу Хуану Мартину дель Потро.

А кто ожидал, что в этом сезоне победа в Открытом чемпионате США достанется Саманте Стосур? Она котировалась ну в лучшем случае где-то в хвосте топ-десятки.

А разве можно забыть US Open 1990 года, на котором состоялся взлет будущего чемпиона чемпионов, величайшего среди великих Пита Сампраса, одолевшего в финале, между прочим, Андре Агасси — тоже будущую легенду? Сампрасу было 19 лет, Агасси — 20. Или чемпионат 2000 года. Пита Сампраса, выглядевшего тогда неуязвимым, разгромил в решающем матче US Open совсем еще молодой Марат Сафин. Нет, у этого турнира, несомненно, есть какая-то не менее сильная, чем у тех же Wimbledon и Roland Garros, магия.

Пятизвездочный капитал Plaza Hotel в Нью-Йорке

Юрий Яроцкий |

МЕСТО, где стоит Plaza, — это, возможно, самый нью-йоркский Нью-Йорк. Вот начинается Центральный парк — один из главных парков мира, три с половиной квадратных километра зелени посреди великого мегаполиса. Вот стеклянный куб, к которому регулярно выстраиваются ночные очереди, после того как накануне Apple объявляет о новом продукте — и это главный в мире Apple Store. Вот фонтан с фигурой богини древесных плодов Помоны, установленный по завещанию издателя Джозефа Пулитцера. Ему хотелось, чтобы в любимом городе что-то было «как в Париже», и здесь он попросил сделать так, как это сделано на площади Конкорд, а еще поспособствовал тому, чтобы к югу от Манхэттена появилась стометровая статуя Свободы, тоже сделанная по французским чертежам. А вот и Plaza Hotel — живая история, лучшее месторасположение и напоминание о самых роскошных временах Нью-Йорка.

Ранее на этом месте стоял отель поменьше, всего в восемь этажей (что уже много, да и место требовало чего-то менее вопиющего — в соседнем доме, на месте которого сейчас расположился знаменитый универсам Bergdorf Goodman, скромно жил человек по имени Корнелиус Вандербильт). Однажды его тогдашние владельцы — оптовый торговец мясом и президент строительной компании — за ланчем обсудили будущее гостиницы с точки зрения эффективности инвестиций и поняли, что старое здание не годится, переделывать его обойдется себе дороже, лучше построить что-то новое, раньше невиданное. На рубеже XIX и XX веков такие фантастические проекты возникали по всему миру и, как правило, разоряли первых инвесторов, но все же достраивались.

Мясник и строитель хотели получить пристроить нажитые \$3 млн — отель в итоге обошелся в \$12,5 млн, еще одним инвестором стал стальной и железнодорожный магнат Джон В. Гейтс, случайно подслушавший их разговор за тем памятным ланчем (кстати, в 1911 году в бальном зале Plaza Hotel с Гейтсом прощались перед его похоронами). На эти сумасшедшие деньги было построено 18-этажное здание в стиле ренессансного шато, на фоне которого поч-



PLAZA — ЭТО ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

и напоминание о самых роскошных временах Нью-Йорка

ти все дома тогдашнего Манхэттена стали смотреться милыми крошками. А еще была ошеломляющая начинка — восемьсот комнат, ванны в пятиста из них, хрустальные канделябры, крупнейший в истории компании L. Straus & Sons заказ на позолоченный фарфор. И это еще что — в каждом номере был телефон, вот это по тем временам была настоящая роскошь.

В первые годы Plaza был не совсем отелем — здесь скорее просто проживали простые уважаемые ньюйоркцы. В частности, одним из первых почти сразу после открытия в 1907 году вместе со своей супругой Эльзи въехал Альфред Гвинни Вандербильт (сын скромного Корнелиуса), спустя восемь лет зачем-то отправившийся в Ливерпуль на «Лузитании» и больше на берег так никогда и не ступивший (Альфред Гвинни героически уступил место в спущенной с тонущего корабля VIP-шлюпке женщинам и детям).

В 1920-е годы в Plaza, пошатываясь, заживали Фрэнсис Скотт Фитцджеральд — будущий автор «Великого Гэтсби» и его любимая собутыльница и супруга Зель-

да. Они жили неподалеку, но напивались именно здесь — контрабандным джином. В 1930-е отель на удивление легко пережил Великую депрессию — благодаря вселившимся сюда раз и навсегда так называемым «39 вдовам» с толстыми кошельками и долгосрочными договорами аренды; некоторые из них спокойно жили здесь и спустя сорок лет.

После войны, в 1955 году, на самом вершине Plaza поселилась Элоиза. То есть поселилась только понарошку, в одноименной книге, которую написала писательница Кей Томпсон, в числе прочих проживавшая в Plaza. Говорили, что прототипом Элоизы послужила ее крестница, Лайза Миннелли, но никто никогда не подтвердил этого достоверно. Зато портрет Элоизы, непослушной девочки с mopсом и черепахой, украшает огромное лобби Plaza до сих пор. Одна из книжек про Элоизу называлась «Eloise in Moscow» — путешествие в далекую Россию у героини оказалось успешным. А обратным маршрутом — из Москвы через Дели, Рим и Женеву в Нью-Йорк прибыла ставшая невозвращен-



THE BEATLES ПРЕЗЕНТОВАЛИ В PLAZA СВОИ ДИСКИ, НО УНОСИЛИ ИЗ ОТЕЛЯ ВЕШАЛКИ



БАЛ-МАСКАРАД, ДАННЫЙ В PLAZA ТРУМЕНОМ КАПОТЕ 28 НОЯБРЯ 1968 ГОДА, СТАЛ САМЫМ ЛЕГЕНДАРНЫМ СВЕТСКИМ МЕРОПРИЯТИЕМ АМЕРИКИ ВО ВСЕМ XX ВЕКЕ

кой дочь Сталина Светлана Аллилуева, и именно в Plaza она дала свою легендарную пресс-конференцию, на которой заявила, что, в отличие от своего отца, советскую власть не одобряет.

В 1960-е отель пережил еще одно золотое время. Сначала сюда из-за океана прилетели веселые молодые люди, называвшие себя The Beatles. Ветераны обслуживающего персонала потом жаловались: ладно что автографов у них было не допроситься, так быстро они прошмыгивали мимо охраны, так еще и увезли с собой плечики для одежды. Но если первая проблема осталась действительно нерешенной (слишком было опасно — отель был окружен бившими в истерике юными американками), то плечики вернули. Правда, сорок лет спустя — как свидетельствует бессменный швейцар, с формулировкой «от имени The Beatles — вот вешалки, которые мы забрали сорок лет назад».

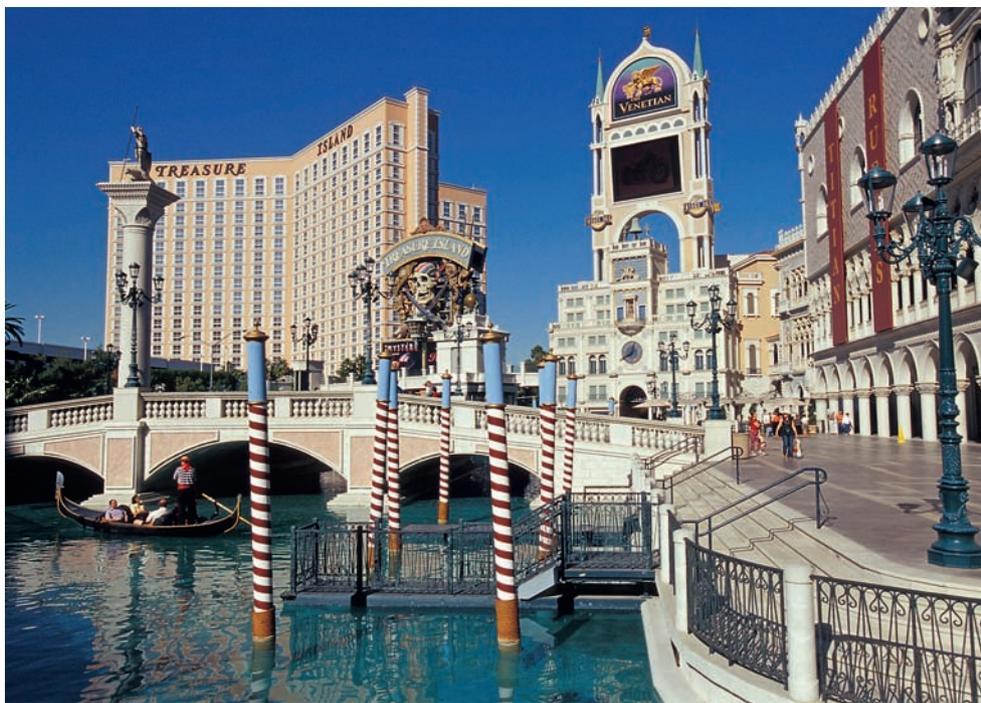
28 ноября 1968 года отель пережил, возможно, свой звездный час. Это была одна из самых великих вечеринок в Нью-Йорке. Ее собрал Трумен Капоте, написавший к этому моменту и «Завтрак у Тиффани», и «Хладнокровное убийство» — в ту пору, когда писатели еще были звездами, он сиял, как никто. За приглашительные на «Black&White Ball» предлагали любые деньги, но список был незыблем. Вечер, точнее ночь, испортил Фрэнк Синатра с Миа Фэрроу, в 2:45 отправившийся в любимый бар и силой своей удаляющейся харизмы уведший с собой большинство гостей. Никакие праздники богемных 1970-х этот бал не затмили. Как не затмили его свадьбы Эдди Мерфи или Майкла Дугласа, отмечавшиеся в Plaza.

Израильская компания El-Ad Properties купила отель у Дональда Трампа в 1995 году (бизнесмен тогда разбирался с тяжелым разводом и приговаривал: «Это невыносимо — продавать Plaza»). Реставрация была долгой, но зато отель полностью вернулся в свою лучшую форму. Лучше всего это чувствуется летом, когдаходишь в прохладное лобби Plaza и знаешь, что не только внутри все так же, как и сто лет назад, но еще и конный экипаж, будь на то воля клиента, вывезет тебя отсюда, как и сто лет назад, жалуюсь на невыносимую конкуренцию со стороны моторизованных такси.

Венеция Дикого Запада

The Venetian Resort Hotel Casino в Лас-Вегасе

Екатерина Истомина



ЭТО НАСТОЯЩАЯ АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА

для взрослых — оказаться вдруг детьми,
но с деньгами и без родителей

ОТЕЛЕЙ под брендом The Venetian сейчас в мире два: в августе 2007 года основатель цепочки бизнесмен, миллиардер, давний участник «золотого» списка Forbes, владелец компании Las Vegas Sands Corp. Шелдон Адельсон торжественно открыл The Venetian Hotel & Resort на территории бывшей португальской колонии, а ныне специального административного района Китая Макао.

Мне довелось принимать участие в торжественной церемонии: на пресс-конференции, собравшей более 10 тыс. журналистов, Шелдон Адельсон рассказал, что немало рисковал, закладывая The Venetian на болотистом острове Тайпа (часть Макао). Этот хлипкий остров Тайпа был давно забыт богом и китайцами, так как не представлял коммерческого интереса по причине заболоченной почвы. Но Шелдон Адельсон смог сделать то, чего не смогли сделать десятки тысяч китайцев, — построить на болоте полную копию венецианской площади Сан-Марко с Палаццо

Дукале и двумя (!) часовыми башнями Торре-дель-Оролоджо: одну возвели рядом с главным входом, а вторую — внутри шопинг-молла. К площади Сан-Марко добавили еще Большой канал, правда, его историческое название претерпело некоторые изменения: в отеле, построенном в Макао Шелдоном Адельсоном, легендарная водная артерия оказалась Grand Canal Shops, то есть шопинг-моллом, где вместо улиц или галерей были водные каналы. Газета South China Morning Post ядовито отмечала, что «в Grand Canal Shops было спущено столько воды, сколько бы хватило на 50 олимпийских бассейнов». «Олимпийское» сравнение было неслучайным: Китай готовился тогда к летней Олимпиаде 2008 года.

Но у Шелдона Адельсона, чьи бизнес-инициативы давно стали частью учебников по маркетингу, свои олимпийские резервы. Свой первый «венецианский» отель Адельсон открыл в Лас-Вегасе в мае 1999 года. Приплывшая тогда к красной ленточке на венецианской гондоле (лод-

ки вместе с гондольерами в тельняшках были выписаны из настоящей итальянской Венеции) актриса Софи Лорен заявила прессе, что находится под большим впечатлением: «Я итальянка, и для меня вдвойне удивительно то, что Венецию можно повторить в другой части света!»

Строительство циклопического комплекса The Venetian Resort Hotel Casino с 5 тыс. номеров, десятками ресторанов на любой вкус, театром, концертным залом, несколькими музеями, пятью часовнями для бракосочетания и самым большим в мире казино обошлось Las Vegas Sands Corp. в сумму, по тем меркам умопомрачительную, — \$1,5 млрд.

Но Венецию тогда удалось повторить: Большой канал, Сан-Марко, башня, увенчанная крылатым львом, Торре-дель-Оролоджо, слухезарными часами и двумя голыми бронзовыми маврами на верхушке, кружевной мост Риальто и, разумеется, Палаццо Дукале. Десятки километров фресок, витражей, ковровых дорожек, кубометры скульптур, сот-

ни тонн хрусталя, фарфора, стекла. Фонтаны и аттракционы, игровые автоматы, все виды игр в казино, кабаре, ринг для бокса, сотни магазинов с бриллиантами и турбийонами, мехами и сумками из питона, шампанским и икрой. Плюс постоянная экспозиция из Музея Гуггенхайма и легендарная выставка «Американские поп-идолы».

Конечно, очень просто заклеить: отели The Venetian — это страшный американский китч! Дешевая подделка, дикая, чудовищная копия этого святого для любого культурного человека города — Венеции. Однако любой The Venetian имеет и культурное значение, и дело даже не в том, что комплекс представляет собой дорогую копию величайшего города, вынесенную в пустыню штата Невада или же на китайское болото. Принцип The Venetian скорее мультипликационный: это в определенной мере путешествие в страну Уолта Диснея или поместье Neverland Майкла Джексона. Это настоящая американская мечта для взрослых — оказаться вдруг детьми, но с деньгами и без родителей.

Дети кукурузы

О съедобной Америке

Елена Герусова



КОЛУМБ открыл Америку, когда отправился за специями. Может ли другая страна блеснуть подобным гастрономическим сюжетом? И как странно после этого слышать, что никакой американской кухни на самом деле нет.

До Колумба была кухня индейцев. У каждого племени — свои рецепты. Пока одни собирали мидий, другие выслеживали дичь. Но гастрономические устои держались, как принято здесь говорить, на «трех сестрах» — кукурузе, бобах и тыкве. Из них и сейчас готовят все, от кукурузных лепешек до тыквенной головы на День всех святых. Тыквенный пирог из оставшейся мякоти приветствуется во всех штатах, это

разогреваются воспоминания о национальной истории. Америка — родина дикой, лесной индейки. В XVI веке испанские мореплаватели вывезли эту красавицу в Европу. Ну чем хуже павлина? И намного съедобнее! Птицу одомашнили, к ней привыкли.

И, уезжая в Америку, колонисты среди прочей твари везли с собой уже домашних индеек. Но считается, что не умереть переселенцам с голоду помогли дикие, лесные индейки. Так что именно эту птицу можно считать главным гастрономическим символом Америки.

И даже те американцы, которые как-то пропустили этот трогательный сюжет,

тому что это сэндвич, с двух сторон закрытый хлебом. Американская кухня достаточно рациональна, а так удобнее и сытнее. Вот и лепешка американской пиццы будет значительно толще итальянской.

Один из самых популярных сэндвичей, конечно же, BLT — с беконом, латуком и томатами. Сэндвичи, как и многое на американской кухне, придуманы на другом континенте. В данном случае в Великобритании. Сэндвич назван по имени сэра Джона Монтегю четвертого графа Сэндвича. Граф не был гурманом и не мог оторваться только от одного в мире стола — игорного. Не отрываясь от карт, он требовал подать себе холодный ростбиф между двумя кусками хлеба, такой, чтобы его можно было есть не глядя. Но прижился и стал национальным этот «специалитет» именно в Америке.

Потому что сэндвич простой, рациональный и сытный. Его можно есть на бегу. А идея простоты — одна из распространенных главных идей американской кухни. Здесь любой сложносочиненный европейский рецепт становится чуть проще. Также как это происходит с английским языком.

Не случайно о том, что Клинтон вытеснили из кухни Белого дома сложный омлет, заменив его обычной глазуньей, в свое время узнала вся Америка. И опубликованные фотографии уже времен президента Барака Обамы — с длинным правительственным столом, покрытым газетами и разложенными на них коробками пиццы, вовсе не стали скандалом. Это совсем не то, как если бы в Кремль ради выборов внесли самовар и бублики. Просто чай и дежурные бутерброды. Работают люди и хотят быстро перекусить как все.

Идея лапидарной простоты — вездесущая в американском меню, но далеко не единственная. Лучшее тому доказательство — Луизиана и ее кулинарные стили.

Самый яркий и самобытный из них — каджунский, собравший в своем котле опыт трех континентов. Каджуны — франкоговорящие выходцы из Канады. На американской кухне они создали особый стиль, смешав галльские рецепты с индийскими и африканскими.

Особую магическую ноту в каджунскую кухню внесли в XIX веке черные рабы. Смешение разных стилей — это вроде бы типичный для эмигрантской кухни прием.

Но результат вышел удивительным. Главное блюдо каджунского стиля — гамбо, очень густой суп, по консистенции напоминающий рагу. Единого рецепта нет. В чугунный котелок-каджун со средневековой, раблезианской щедростью отправляют и лягушек, и дары моря, и курицу, и рис, и ветчину, и свиные колбаски — все вместе в любых пропорциях и вариациях. Главное

правило — импровизация. Но почти в каждом котле окажется африканская бамия. И загуститель из сушеных и толченых листьев родственника лавра сассафраса (или болотной мяты) — пользоваться им научили индейцы.

Порошок из листьев сассафраса — настоящий местный специалитет. Больше его почти нигде не используют. В гумбо порошок добавляют, когда котелок уже снят с огня и благоухает ароматами тимьяна, петрушки, острого перца, лука и чеснока. Каджунский стиль в общем-то деревенский, но далеко не простой. Даже обычные свиные колбаски здесь если коптят, то на листьях сахарного тростника. Луизиана в кулинарном отношении — это особый штат, внутренняя американская экзотика.

Соперничающий с каджунским креольский стиль Нового Орлеана — смешение испанской, французской, африканской и индейской традиций. Это тоже кухня вдохновения и экспромтов, презирующая строгие рецепты. Одно из главных блюд — джамбалайя, ее прототипом была испанская паэльля. И при этом креольская кухня Луизианы, в отличие от щедрой и изобретательной, но далеко не аристократичной каджунской, изначально ориентировалась на принципы высокой французской кухни. Именно в ее меню можно найти американский черепаховый суп. Объединяет каджунский и креольский стили острый, жгучий аромат, густой коричневый соус гоух, использование дичи, рыбы и морепродуктов и речных раков, риса и бобов, пекана и апельсинов. И всего, что можно найти в южных штатах. Обязательны сельдерей, тимьян и различной остроты перцы чили.

Но кому луизианский черепаховый суп, а кому и техасский говяжий стейк! А то и просто хашбраун, воспетый в книге ресторанный критика Рут Рейчел «Чеснок и сапфиры», убедительно доказывающей, что Америка есть центр гастрономического мира. Что касается хашбрауна, это, собственно, просто американский драмик или латкес — кому что ближе. Но вот настоящий хашбраун с хрустящей поджаристой корочкой снаружи и обжигающим нежным пюре внутри — это уже воспоминание среднего американца о его счастливым детстве.

Рецепты американской кухни, кажется, неисчерпаемы и разнообразны, как сама Америка. От бифштекса, приготовленного на гриле, до сливочного крем-супа с моллюсками. От жареных по-кентуккийски цыплят и картофеля, приготовленного как в Айдахо, до текс-мекс. От чизкейка до банана-сплит. От кленового сиропа до арахисового масла.

Так что не фастфудом единым.

МОЖНО И НУЖНО ЕСТЬ НА БЕГУ!

Идея простоты — одна из главных идей американской кухни

блюдо — настоящая американская гастрономическая классика.

А бобовые похлебки вошли в классику американской литературы. Первые поселенцы съели тонны тушеной фасоли. А как иначе? Именно на основе местных продуктов и под воздействием гастрономических привычек ищущего лучшей жизни пестрого десанта Старого Света и формировалось национальное меню. Тыква и фасоль были знакомы. Кукуруза казалась экзотикой.

И именно на основе индейских традиций под влиянием гастрономических привычек первых поселенцев — англичан, французов, немцев, испанцев — и формировалось национальное меню. Потом сюда вклинились китайская, индийская, русская и все прочие кухни мира. И сегодня американская кулинария, возможно, самая живая и разнообразная из всех существующих.

Но исторически по гастрономическому принципу штаты группируются примерно так. Кухня северного и среднего востока. Западная калифорнийская кухня. Южная и юго-западная. Южная и юго-западная. Северо-восточная кухня. Особое место занимают стили штата Луизиана.

Объединяет всех, конечно же, запеченная индейка. Главное блюдо Дня благодарения и Рождества. Но вместе с каждой отправленной в духовой шкаф индейкой

любят и уважают индейку. Потому что она самая-самая большая. И готовить ее достаточно просто. А кухня и должна быть простой и сытной. И мясо диетическое и изысканное, ведь сама индейка ест желуди и лесные орехи. Не птица, а американская мечта для всех штатов, от Аляски до Огненной Земли.

Нельзя не упомянуть гамбургеры, сэндвичи, пиццу, хот-доги и чипсы с кока-колой. И сейчас уже не так уж и важно, выдумали эти блюда немецкие иммигранты или завезли итальянские. Ныне это тоже американская кухня. И в каждом штате она имеет свой местный колорит. Ничего не поделаешь, Америка — родина фаст-фуда. И когда-то поесть быстро и просто впрямь было национальной идеей. Сейчас в моде медленное питание, но гамбургеры никто не отменял. К тому же правильно приготовленный гамбургер может дать фору какому-нибудь тибон-стейку.

К слову, если кто-то до сих пор не понимает, зачем американцы заказывают к гамбургеру ими же изобретенный французский картофель или картофельные или кукурузные чипсы — так ведь это на гарнир. Гамбургер — основное блюдо в прямом гастрономическом, а вовсе не статистическом смысле.

Бутерброд на настоящей американской кухне никогда не падает маслом вниз. По-

Коммерсантъ всегда на ваших экранах



Бесплатный сервис Издательского дома «Коммерсантъ» — приложение «Коммерсантъ» для мобильных платформ iPhone (iPod-touch), Windows Mobile и Android. Газета «Коммерсантъ», журналы «Коммерсантъ Weekend», «Коммерсантъ Власть», «Коммерсантъ Деньги», «Коммерсантъ Секрет фирмы», «Огонёк». Новостная лента, полный доступ к статьям, видео- и фотогалереям, удобный тематический рубрикатор, простая навигация, закладки для быстрого доступа, поиск по архивам, доступ к контенту из других приложений, экспорт в социальные сети с возможностью комментариев.

kommersant.ru/mobile

Версия 3.0 приложения «Коммерсантъ» доступна в AppStore.

Теперь и для Android!



реклама

МОСКВА ■
гум, красная площадь, 3
петровский пассаж, ул. петровка, 10
весна, ул. новый арбат, 19

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ■
невский проспект, 11

САМАРА ■
ул. куйбышева, 133

ЕКАТЕРИНБУРГ ■
проспект ленина, 25

СОЧИ ■
морской вокзал, ул. войкова, 1

НОВОСИБИРСК ■
вокзальная магистраль, 19

WWW.BOSCO.RU ■
+7 (495) 660 0550

ETRO